№ 102

ЦЕНА 10 СЕНТОВ

DIELO TROUDA

— ОРГАН —
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ИЮНЬ — АВГУСТ 1938 г.	„Dielo Trouda", 45 West, 17th Street, New York, N. Y.	14-й год издания

ДВА ГОДА БОРЬБЫ

Печальны итоги двухлетней борьбы против фашизма в Испании... Фашисты в течении этих кровавых лет шли от победы к победе, а лоялисты от поражения к поражению... Редко военное счастье улыбалось лоялистам. Их победы можно сосчитать по пальцам: защита Мадрида, победа под Гвадалахарой, Бельчите, некоторые успехи под Кордобой, в районе Пенеройя, и временный захват Теруэля, за которым последовало ужасное поражение на Арагонском фронте, приведшее к рассечению лоялистской территории на две части...

Если сравнить карту Испании июля 1936 года с теперешней картой, то получаешь ясное представление о головокружительных военных успехах фашистов и о столь же головокружительных поражениях лоялистов. В июле 1936 г. в Испании были только фашистские гнезда, несвязанные между собою; фашисты не имели территории, не имели никаких шансов на успех, а теперь в их распоряжении более двух третей страны, из которой они извлекают сырье, финансы, продовольствие и рекрутов для формирования и пополнения своих армий.

Одновременно с поражениями на фронте шли и поражения в лоялистском тылу: последовательно и настойчиво, точь-в-точь как в России, под предлогом военной необходимости и организации победы, душилась революция, уничтожались ее завоевания, организованно понижался энтузиазм рабоче-крестьянских масс, упорно восстанавливалось разбитое в июле 1936 г. государство, которое последовательно ограничивало инициативу и самодеятельность народных масс и их организаций, мертвило все окружающее и заполняло тюрьмы истинными антифашистами и подлинными революционерами.

Все эти военные и социальные поражения антифашистской Испании, приведшие ее на край пропасти, суть неизбежные логические следствия, во-первых, непрерывной цепи ошибок, преступлений и предательства, умышленно и неумышленно совершенных и совершаемых всеми испанскими антифашистскими секторами; во-вторых, уголовных интриг, обмана, провокаций и предательства „великих дружественных демократий" и „пролетарского отечества"; в-третьих, лживой, неискренней и предательской политики вождей вырождающегося мирового социализма и коммунизма.

* * *

Рабочие массы Испании на восстание генералов ответили социальной революцией: промышленность, земледелие, транспорт, торговля (распределение) переходили в руки рабочих и крестьянских организаций; ломался старый частно-собственнический, капиталистический порядок и замещался коллективизмом. Политическое государство повисло беспомощно в воздухе, ибо полицейская и военная сила перешли в руки рабочих организаций; города, деревни и села вышли из под государственной опеки и переорганизовывались на основе широкого самоуправления. Царил энтузиазм и твердая решимость вести борьбу и против фашизма и против капи-

тализма: революция мыслилась необходимой предпосылкой победы над фашизмом. Рабочие и крестьяне имели в своем распоряжении реальные, осязаемые социальные, политические и экономические ценности, которые осмысливали их борьбу с фашизмом и возбуждали энтузиазм, жертвенность и героизм. Это движение возглавляли анархисты НКТ—ФАИ.

Для „народного фронта", т. е. для либеральной буржуазии, коммунистов и социалистов, это движение против фашизма было ничем иным как восстанием против правительства и республики, и притом более опасным, чем фашистское, генеральское. Поэтому, с первых дней и до сего момента, его подавлению оказывалось большее внимание, чем организации победы над генеральскими бандами. Либерально-буржуазное правительство „народного фронта", возглавлявшееся Гиралем, делало все возможное, чтобы канализировать это движение и приостановить рост влияния НКТ-ФАИ: разоружало их милиционные отряды и не допускало их членов к участию в борьбе с фашизмом и почти ничего не предпринимало для подавления генеральского восстания и предотвращения фашистского дессанта на материк. В результате этой преступной политики, граничащей с изменой, фашистские банды перевезли в Испанию иностранный легион и мавров и двинулись вдоль португальской границы, захватывая город за городом, провинцию за провинцией, пока не были остановлены под стенами Мадрида. Результаты этого похода до зубов вооруженных фашистских банд против безоруженной и необученной рабочей милиции огромны: простой генеральский бунт превратился в настоящую гражданскую войну, которая в свою очередь почти немедленно превратилась в войну Италии, Германии и Португалии, за спиной которой пряталась Англия, против Испании, при дружественном фашистам „нейтралитете" остальных стран, включая Россию.

Захватив пограничные с Португалией провинции, фашисты об'единили разрозненные гнезда восставших гарнизонов, приобрели глубокий тыл и контроль португальской границы, через которую в изобилии потекло вооружение, амуниция, продовольствие, нефть и бензин, доставляемые Италией, Германией, Португалией и английскими консерваторами. Одновременно с этим, французский премьер, социалист Блюм, в угоду английским капиталистам, выдвинул теорию нейтралитета, которая, реализованная в форме Комиссии по Невмешательству в испанские дела. **(в которую пригласили Италию, Германию и Португалию!),** на деле превратилась в блокаду лоялистской Испании.

Правительство Гираля, преступно допустившее внедрение фашистских банд внутрь страны и с преступным молчанием принявшее англо-французскую схему блокады лоялистской Испании, продолжало вести борьбу против организации народной милиции и социально-революционного движения масс. Не располагая военной силой, которая могла бы раздавить это движение, действия правительства вызывали только раздражение и подозрение и оно вынуждено было уйти, уступив место социалистическо-коммунистическому правительству Ларго Кабальеро.

⁂

Коммунисты Испании, под давлением Москвы, заявили себя противниками социальной революции и сторонниками восстановления буржуазной респуб. На этой же позиции стояли и социалисты правого крыла, левое же крыло, возглавляемое Кабальеро, заняло колеблющуюся позицию между социальной революцией и буржуазной республикой. Вследствии этого новое правительство „народного фронта" продолжало политику старого: разоружало боевые части НКТ-ФАИ, энергично боролось против коренных социальных изменений, проводимых НКТ-ФАИ в Каталонии, Леванте, Арагоне и в др. провинциях; отказывало в финансовой помощи, в которой нуждалась каталонская промышленность, и всеми способами старалась не допустить НКТ-ФАИ к руководящему участию в событиях; саботировало арагонский фронт и упорно отвергало все предложения НКТ-ФАИ о сотрудничестве на основе социальной революции и победы над фашизмом. С прибытием первого русского парохода с продовольствием и вооружением, которое помогло отстоять Мадрид, влияние коммунистов в правительстве возросло. С прибытием же в Испанию русского посла Розенберга и консула Барселоны Антонова-Овсеенко, (которые ныне или в тюрьме или расстреляны Сталиным), испанское правительство стало пленником Москвы, грубо эксплоатировавшей бедственное положение лоялистской Испании в своих международных и внутренних интересах. Испанские коммунисты получили полную свободу рук и были хозяевами положения в правительстве, проводя через него московские инструкции. Цель Москвы совпадала с целями англо-французского капитала, испанской „либеральной" буржуазии и фашистов: **уничтожение НКТ-ФАИ; каленным железом выжечь все следы их влияния на массы.** Сомнительная помощь „дружественных демократий" и „единственного в мире пролетарского отечества" обуславливалась требованием уничтожения НКТ-ФАИ и ликвидации социально-революционного движения масс.

В конце октября 1936 г. анархистам было предложено войти в центральное правительство. Они приняли предложение, совершив этим не **только отступничество от анархических принципов**, но и **огромную практическую ошибку, последствия которой сильно ощущаются до сих пор.** Войдя в правительство, НКТ-ФАИ немедленно стали пленниками, потеряли свободу маневрирования, обнажили себя для предательских ударов врагов, которые не могли справиться с ними в открытом поле, и стали на путь идеологического разложения, сопровождаемого политической близорукостью и слепотой.

В конце 1936 г., выполняя задания англо-французского капитализма, испанские коммунисты, в союзе с „лоялистскими" буржуазными элементами и с правой фракцией социалистов, под руководством московских агентов, начали тайный террор против НКТ-ФАИ и ПОУМ. Первым пал Дуррути. Затем начались разоружения бригад НКТ-ФАИ, аресты активных членов, обвинения в связи с фашистами. Появились тайные Че-Ка. Март-апрель 1937 г. ознаменовались бесчисленными убийствами из за угла видных деятелей НКТ-ФАИ; начались саботаж и провокация в Барселоне, проводившиеся под руководством Комореры. Дело шло к выполнению грандиозной провокации, план которой был разработан в дипломатических канцеляриях Лондона, Парижа и Москвы. Выполнителями этого плана должны были быть, и были, буржуазные националисты и коммунисты. Этот план был реализован в форме кровавых майских событий в Барселоне. Кабальеро отказался принимать участие в этой преступной и предательской провокации. Он пал. По указу трех „дружественных" держав был создан реакционный кабинет из буржуа, правых социалистов и коммунистов во главе с Негриным и Приэто.

⁂

Послушное во всем англо-французскому капиталу и московскому фашизму, правительство Негрина-Приэто начало энергичный поход не против орд Франко, а против завоеваний революции, против НКТ-ФАИ и ПОУМ. Последний был распущен, руководители его об'явлены агентами Франко; Нина, вождь этой организации, „украли" из тюрьмы и тайно убили. НКТ-ФАИ стали устранять отовсюду, ликвидировали Арагонский Совет, уничтожили коллективы в деревнях, фабричные рабочие комитеты в городах. Заполнили тюрьмы подлинными антифашистами и революционерами.

Борьба с Франко отошла на задний план, на передний план была выдвинута борьба с анархистами, с НКТ-ФАИ; борьба всеми средствами, всеми способами, всякой ценой, даже ценою полного поражения от руки Франко, лишь бы физически истребить массы НКТ-ФАИ. С этой целью, **„мы решили**, пишет Приэто испанскому посланнику в Вашингтоне, тоже социалисту, Фернанду де лос Риос, **начать на различных фронтах ряд наступлений и пользовать элементы ФАИ и НКТ в качестве ударных единиц. Эти элементы, согласно нашему решению, будут переброшены на опасные участки фронта. Таким образом, фашисты помогут нам надлежащим образом выполнить дело чистки, за которое мы будем очень благодарны им. Следуя этой линии поведения, мы, как вы знаете, даем удовлетворение трем странам, которые помогают нам и которые недавно требовали от нас принятия этого курса"**... — (Уф! До какой подлости и преступления могут доходить социалисты!!!) Отсюда становится понятным почему лоялисты потерпели ужасное поражение на арагонском фронте!

Это поражение поставило лоялистскую Испанию на край гибели. Чемберлен уже был уверен в полной победе Франко и поспешил заключить договор с Муссолини. Но против ожидания всех высокопоставленных уголовных преступников и мерзавцев и к великому огорчению лондонского прохвоста, испанский героический пролетариат и крестьянство сумели, ценою тягчайших жертв, остановить фашистско-итальянско-немецкие орды.

Чемберлен немного просчитался. Полагая, что коммунисты и социалисты выполнили намеченный план истребления анархистов, потребовал от Приэто приняться и за коммунистов. Приэто немедленно взялся за дело: начал чистить коммунистов, подготовляя условия для замирения с Франко. Между Москвою и Лондоном, вследствие этого, установились натянутые отношения. Приэто пал и Москва поспешила доставить необходимое вооружение, которое облегчило положение лоялистов и разбило ожидания Чемберлена. В ответ на это Чемберлен заставил Францию закрыть испанскую границу и прекратить всякую доставку оружия лоялистам. Московская политика была бита и Москва склонила свою выю перед Чемберленом, приняв его план эвакуации „добровольцев" из обоих лагерей, с тем чтобы после этого предоставить обоим сторонам права воюющих держав, расчитывая, что, пока улита Комиссии по Невмешательству доедет, лоялисты будут биты, Муссолини будет спасен, и собственность и порядок в Европе будут гарантированы.

В настоящее время, после двух лет борьбы, лоялистская Испания совершенно изолирована и стоит не только против Франко, Муссолини, Гитлера и Португа-

лии, но и против Англии, против французских Деладье и московских Сталиных. Положение отчаянное и почти безвыходное. Остается надежда на столкновение интересов врагов, которое откроет возможность снабжать армию необходимым вооружением и продовольствием; надежда на внутреннюю борьбу в лагере Франко, которая сейчас глухо происходит на почве всеобщего недовольства итальяно-германским засильем.

Но все это весьма проблематично, ибо Гитлер и Муссолини — пешки в руках Англии, а Португалия — давнишний ее вассал. Центр тяжести лежит в столкновении англо-французских интересов, в этом столкновении можно найти спасение. Однако вызвать это столкновение чрезвычайно трудно, ибо Муссолини и Гитлер блестящия орудия в руках Англии против Франции. **Только репрессивная воздушная бомбардировка итальянских городов лоялистами может быть могла бы вызвать это столкновение. И лоялисты должны рискнуть на это.**

**
*

За создавшееся положение в Испании в огромной мере несут ответственность социалистические интернационалы: Международная Федерация Профессиональных Союзов и Рабочей Социалистический Интернационал. Партии и рабочие союзы этих интернационалов имеют решающее влияние на ход внешней и внутренней политики многих государств; они имели и имеют свои правительства или своих членов в правительстве, или могут иметь таковых. И чтоже? Английские лейбориты дальше парламентских запросов и протестов не желают идти.

Французский премьер, социалист Блюм, явился автором блокады под псевдонимом невмешательства. Секции амстердамского профсоюзного интернационала, располагающие 17 миллионым членским составом дальше денежной помощи и первомайских манифестов идти не желают. А между тем активное и серьезное экономическое и политическое давление на свои правительства, суровый бойкот фашистских стран могли бы, и еще могут, совершенно изменить положение дел в Испании. Но вожаки этих интернационалов, бывшие или сущие министры, депутаты, городские головы, начальники полиции и пр. являются социальными пожарными, которые тушат всякую революционную и социалистическую искру в рядах своих партий и союзов. Только угроза восстания против их руководства может заставить их принять революционную тактику.

**
*

Только глубочайший социальный переворот, равный русскому Октябрю 1917 г., может раздуть неугасаемый пожар в международном рабочем движении. НКТ-ФАИ стали на этот путь в 1936 г. Сведения о каталонских социальных чудесах начали проникать в рабочие массы и электризировать их. Казалось, начинается эпоха бурного под'ема международного рабочего движения и отступления реакции. Но НКТ-ФАИ не оказались на высоте положения. Они решили купить победу над Франко ценою приостановки революции и полного отказа от своей революционной тактики и от проведения в жизнь своих свободно-коммунистических идей, наивно полагая, что после победы над Франко, они будут иметь развязанные руки и сбереженные силы. Они, по своей наивности, думали обмануть воинствующий международный капитализм с его Болдвинами и Чемберленами и с их лакеями Блюмами и Сталинами. Но капитализм обманул их. Капитализм требовал не умеренности, а гарантии безопасности своего режима; такой гарантией является физическое истребление НКТ-ФАИ. И чем НКТ-ФАИ становились умереннее и законопослушнее, тем с большей энергией старались их истребить. И это истребление производилось в такой обстановке, когда жертва не могла кричать, и при таких обстоятельствах, когда международный пролетариат не мог видеть достаточных мотивов для бурного протеста. Чемберлены предпочитают иметь Франко, чем умеренные, отступившие от анархизма НКТ-ФАИ, ибо при Франко они могут спать спокойно. Поэтому, когда, несмотря на все попытки, не удалось истребить НКТ-ФАИ, Чемберлен открыто стал на сторону Франко-Муссолини-Гитлера. Все жертвы НКТ-ФАИ, чтобы избежать иностранного вмешательства, чтобы выиграть хотя бы дружественный нейтралитет „дружественных демократий", чтобы получить за бешеные деньги хоть какое-либо оружие, чтобы создать внутри реальный антифашистский фронт и единство, не только не окупились даже в тысячной доле, но, наоборот, принесли непоправимый вред антифашистскому делу, делу социальной революции, делу пробуждения международного рабочего движения и анархизму.

НКТ-ФАИ должны были неуклонно и непреклонно продолжать развивать и углублять социальную революцию. Они должны были уничтожить политическое государство и создать подлинные рабоче-крестьянские Советы, свою военную защиту, не боясь разбить антифашистское „единство", которое никогда не существовало; не боясь англо-французского открытого вмешательства, ибо, только открытое вмешательство в пользу фашизма против революции могло и может поднять французский и английский пролетариат; не бо-

ясь сталинского отказа продавать оружие, ибо, для спасения своего лица перед международным пролетариатом, он вынужден был бы продавать и продал бы не меньше, чем сейчас.

При таких условиях в Испании был бы подлинный революционный, рабоче-крестьянский антифашистский фронт, ибо все подлые происки подлых политиканов типа Приэто и Комореры разбились бы о народный энтузиазм и конкретные завоевания революции. Возможно, что революция была бы все-таки раздавлена международным капитализмом, фашизмом и большевизмом. Но ее падение значительно приблизило бы момент падения самого капитализма и в значительной мере изменило бы направление развития международного рабочего движения, оттолкнув его от принципа диктатуры и всемогущественного государства. Возможно-ли сейчас в Испании вернуться к июлю 1936 года? Прежде всего НКТ-ФАИ в своих компромисах зашли так далеко, что в них самих ныне требуется внутренняя революция, чтобы вернуть эти организации к славным июльским дням. Затем, общие условия совсем не те. Возврат к июлю в данных условиях будет попыткой отчаяния, а попытки отчаяния редко удаются.

Сейчас все помыслы сосредоточены только на войне, только на ней одной, она вытеснила все социальные вопросы. Сейчас, больше чем когда бы то ни было, нужна победа, только победа, чтобы предотвратить физическое истребление фашистами и Чемберленами десятков и сотен тысяч испанского пролетариата и крестьянства. И мы, находящиеся вне Испании, независимо от нашего отношения к прошлой и настоящей политики НКТ-ФАИ, как бы резко и далеко мы не расходились с ними, должны с большей силой и энергией делать решительно все, что хоть даже в самой малой мере может содействовать организации победы над фашизмом. Это наш долг, это наша обязанность.

Положение наших братьев в Испании тяжелое, очень тяжелое, близкое к безнадежности, НО НЕ БЕЗНАДЕЖНОЕ ЕЩЕ!

Г. Максимов.

План физического истребления анархистов

Французская газета "L'Espagne Nouvelle" (май, № 13) опубликовала письмо **социалиста Приэто,** военного министра кабинета Негрина, адресованное испанскому посланнику в Вашингтоне, **тоже социалисту,** Фернанду де лос Риос, в котором он излагает план массового физического истребления членов НКТ-ФАИ. Мы переводим часть этого страшного, безстыдного письма...

**
*

„...Наконец, наиболее важная часть нашей программы чистки тыла выполнена. В Барселоне, как и во всей области, ряды ФАИ и НКТ ныне разбиты. Наиболее опасные их элементы или мертвы или в тюрьме. И что особенно важно, это то, что те, кто образумился, убедились или, по меньшей мере, не в малой степени ослабели в своих убеждениях. Чистка, однако, еще не закончена. Но, поскольку самое сильное сопротивление сломано, будет очень легко применить репрессии без насилия и усилий, но настолько действительные, что наша цель будет достигнута моментально. Еще имеется возможность, что бригады этих элементов, которые сейчас на фронте, могут оставить позиции и поспешить на помощь своим организациям. Но я не думаю, что они осмелятся на это. Кроме того, им было бы очень трудно организовать такое движение. Мы также решили начать на различных фронтах ряд наступлений и использовать элементы ФАИ и НКТ в качестве ударных единиц. Эти элементы, согласно нашему решению, будут переброшены на самые опасные участки фронта. Таким образом, фашисты помогут нам завершить полностью дело чистки этих элементов, за что мы можем быть только благодарны им.

Следуя этой линии поведения, мы удовлетворим также три страны, которые помогают нам и которые совсем недавно требовали от нас принятия такого курса".

Да это же уголовщина!

Три страны... Какие это страны? Россия, Англия и Франция!

Как на это будут реагировать французские социалисты, английские лейбориты и сталинские лакеи разных стран?

КАК БЫЛ ВООРУЖЕН АРАГОНСКИЙ ФРОНТ.

Когда 5,000 лоялистских солдат вынуждены были, чтобы не попасть в плен к фашистам, перейти французскую границу, то французская пресса отметила чрезвычайную бедность их вооружения: старые мушкеты, револьверы, кинжалы и т. п. Премьер Негрин, в интервью с итальянским корреспондентом, которое было перепечатано французской социалистической газетой „Ле Пепль", заявил, что на Арагонском фронте, растянувшемся на 450 километров, было всего только 80 пушек, из коих только 62 были в хорошем состоянии; 4 мортиры и одна противо-танковая батарея.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда"

Московские процессы

Международная общественность с пристальным вниманием следила за развитием трагикомедии, разыгрывавшейся в течении нескольких дней в зале московского суда. На судебном столе, как основа обвинений, лежали сочиненные в канцелярии ГПУ „документы" о „преступной" деятельности подсудимых. Как и при прошлых процессах, общественное мнение и печать были поставлены перед фактом стереотипного „самопризнания" подсудимых, которое скорее убеждает во всемогуществе методов ГПУ, чем в преступности подсудимых. Может быть это и об'ясняет большой интерес, который был проявлен во всех политических и социальных сферах к этому делу.

В то время как другие процессы были встречены благосклонно общественным мнением, которое в известной мере было „расположено" оправдывать сталинское „правосудие", то теперь эта благосклонность превратилась в определенную и резкую реакцию. Общественность и мировая пресса жестоко разоблачали инсценаторов этого процесса, который по организации, по подготовке и по смыслу был подобен другим „вредительско-шпионским" процессам. Но красный султан не дорожил мнением „капиталистического общества", а только мнением рабочего класса, как уверяют сталинцы. Если это действительно так, до действительность оказалась очень неприятной для... самого Сталина. Семнадцать миллионов рабочих, примыкающих к Амстердамскому Профсоюзному Интернационалу, выразили неодобрение сталинской системе опозоривания и унижения руководителей оппозиции. Телеграмма этих рабочих корректна и сдержана, но она не оставляет сомнения, что рабочие не разделяют домогательств кремлевских диктаторов и считают их противоречащими желаниям рабочего класса.

Внимание Международного Товарищества Рабочих — другая интернациональная крепость антифашистского рабочего класса, — которое имеет много секций в Америке и в Канаде, всецело сосредоточено на великой борьбе испанского пролетариата против Франко и его инспираторов и помощников с Вильгельмштассе и из Венецианского дворца. Его испанская секция, двухмиллионная Национальная Конфедерация Труда, находится в первой линии борьбы. Это об'ясняет тот факт, что эта большая интернациональная рабочая организация до сих пор не выступила с протестом перед русским правительством в связи с процессом. Но можно с уверенностью сказать, что эта рабочая организация не обойдет процесс молчанием.

Заслуживает быть отмеченным и протест французской Лиги Защиты Прав Человека и Гражданина. Как известно, несколько лет тому назад, эта Лига исключила из членов бывшего премьер-министра Пенлевэ за речь, произнесенную им против России, поэтому ее протест имеет особое значение.

Интересно письмо английских рабочих, в котором они энергично отбрасывают измышления сталинской прокуратуры: „это не правосудие рабочего класса", пишут они, „это зверское преступление. До сего времени только самая черная капиталистическая реакция применяла такие методы к руководителям рабочего класса..." И пролетариат выразил свое возмущение против ужасной системы бюрократии не только резолюциями: в Варшаве, Брюсселе, Вашингтоне имели мсто демонстрации протеста против хладнокровного преступления красной сталинской реакции.

Откуда идет недоверие, чувство которого с неудержимым возмущением так открыто было продемонстрировано пролетариатом и прогрессивной интелигенцией?

Прежде всего оно вытекает из нечистоплотных методов, которыми пользуется Сталин. Сталинизм превратился в синоним всего нескрупулезного и гнусного в политической борьбе и соревновании. Это зловредная гангрена на могучем теле рабочего класса, которая ежечасно причиняет рабочему классу непоправимые поражения и зло. Пути сталинской партии всегда одинаковы; обвинения идейных и фракционных противников — всегда абсурдны. Сталин всегда рассчитывает на забывчивость и тупость своих последователей. Сталинизм стал синонимом системы ипокритизма и генгстеризма.

В 1918 году вооруженные правительственые шайки осаждали с пушками клубы анархистов и организовали погромы на быстро росшее движение, решительное участие которого в русской революции общеизвестно. Погром против анархистов тогда оправдывался тем, что в их организации налезло „много" белогвардейцев!..

В 1920—21 гг. большевистское правительство разгромило революционное движение Украины, которое имело в виду глубокое социальное переустройство, несовместимое с диктаторскими намерениями большевистской партии; этот контр-революционный акт был об'яснен тем, что революционное движение украинских рабо-

чих и крестьян „служило" гетману Скоропадскому! А между тем партия прекрасно знала, что это движение было создано для борьбы с этим гетманом!

В 1921 году было перебито 14,500 кронштадтских моряков, грязный поток хитро-сплетенной лжи в русской правительственной прессе представил бесстрашных героев революции агентами... заграничной контр-разведки...

Нужно ли еще приводить другие подобные же случаи, свидетельствующие об отвратительной моральной тине, в которой погрязли большевистские правители с самого момента захвата ими власти? Стоит ли вспоминать о подлом убийстве трех крупных руководителей французского пролетариата — Верна, Лепти и Лефевра? Или о возмутительном убийстве левого итальянского коммуниста Дино, или о выдаче итальянским фашистам анархиста Петрини? Это излишне. Это подтвердило бы только то, что уже доказано: большевистские обвинения всегда стереотипны и абсурдны!

Самообвинения и самооплевывания обвиняемых московских процессов находились в зависимости от степени воздействия, которому они подвергались в мрачных казематах ГПУ. Без доказательства виновности подсудимых, самообвинения последних, лишенные стыда и самоуважения, превращаются в грозные обвинения против сталинской режиссюры. В зале московского суда находились не арестованные заговорщики, а безвольные и бездушные куклы, раздавленные безчеловечными физическими и моральными пытками, которым их подвергали.

Успел ли Сталин доказать чудовищные обвинения против своих фракционных врагов?

Когда то ученый демонолог Бодинус доказывал, что население ада состоит из 72 князей и 7,405,926 простых дьяволов! Де-Ланкер, другой видный демонолг, которому в 1609 году было поручено очистить землю Басков от магов, писал целые диссертации о психологии дьявола.

О Сатане он писал :„он всегда выказывает большую учтивость, сочетаемую с манерами меланхолического принца, который скучает". Эта и другая средневековая чепуха оказывает бесценное содействие ГПУ. И почему Сталин не может тоже „доказать", что подсудимые — вредители и шпионы!

Сталин воскресил средневековье в политической области. Подобно демонологам, которые утверждали, что мир кишит магами и демонами, Сталин пытается убедить, что все окружающие его люди — вредители и шпионы. Чудесна находчивость Сталина! За всяким своим идейным или фракционным противником Сталин открывает шпионскую службу в интересах какой-либо иностранной державы!

История, как беспристрастный судья прошлого, похоронила навсегда былую веру в магов и демонов. Такая же судьба постигнет и сталинские обвинения в шпионстве. Логика и разум отнесут эти обвинения к области мифологии.

Если Сталин, действительно, располагал неопровержимыми документами, подтверждающими его обвинения, то он должен был прежде всего доказать виновность подсудимых перед международным рабочим судом. В Европе и в Америке имеются миллионные рабочие организации, которые Сталин знает. Он мог, при гарантии полной безопасности лиц, которые дали показания делегации этих организаций, передать документы, находящиеся в его распоряжении. Но он этого не сделал. Вместо того, чтобы опираться на авторитетное мнение международного пролетариата, он удовлетворился заявлением, что при разборе дела „присутствовали иностранные корреспонденты". Неужели „иностранные корреспонденты" и английский королевский советник г. Прит, которых Сталин приглашал на прежние процессы, являются для международного пролетариата более авторитетными, чем делегация самих рабочих.

Невероятно, чтобы подсудимые говорили против Сталина, но нелепо и утверждать, что они агенты иностронной шпионской организации. Принять последнее означало бы поверить в бесконечную наивность и глупость подсудимых, которые могли воображать, что при другом политическом и государственном устройстве России они могут иметь те высокие посты, которые они имели до сих пор. Друзья и последователи Ленина, члены старого Центрального Комитета большевистской партии и международно известные пропагандисты большевизма не могут быть настолько наивными и глупыми! Наоборот, наивна вера сталинской режиссеры, которая возвела такие обвинения против подсудимых, чтобы мистифицировать международный пролетариат.

Но если все-таки Сталин успел доказать свои обвинения, если это правда, то тогда это значит, что весь руководящий персонал сталинской партии представляет собою простую банду саботажников, вредителей, шпионов и властолюбцев, готовых продаться всякому за власть, почести и деньги!

Но это, конечно, не так. Несмотря на все политические удобства, которые дает нам эта мысль, мы принять ее не можем. В России имеется один вредитель, один преступный нарушитель идеалов рабочего класса — это Сталин. Наглая попытка этого злобного Герострата обмануть ра-

бочий класс и мировую общественность не имела успеха. Рабочему классу и интеллигенции этот процесс показал, что бонапартистский режим Сталина находится в конвульсиях новой кровавой истерики, которая убийством еще нескольких лидеров оппозиции подготовляет собственное падение. Мы имеем ряд симптомов этого.

Бесконечные процессы, завершающиеся массовыми убийствами, обагряющими кровью революционеров необ'ятные пространства русской земли — характерное выражение царящего внутри сталинизма разложения. Голодовки политических заключенных и кровавые убийства ясно указывают на неминуемую гибель.

Г. Карамихайлов.

Кусочки кровавой хроники

МОСКВА, Май 16, (ЮП) — Провинциальные газеты, пришедшие сегодня сюда, сообщают о серии судов и о 18 смертных приговорах за „саботаж и контр-революционную деятельность". Газеты пришли с недельным опозданием, поэтому вполне вероятно, что приговор уже приведен в исполнение.

В течении прошлого года за подобные преступления было расстреляно 1,500—2,000 человек; в настоящее время замечается некоторое затишье в „чистке".

Май, 21, (АП) — Иван Папанин, начальник арктической экспедиции на плавучих льдах, назначенный начальником Администрации Северно-Морского Пути, второй после профессора Отто Шмидта, нашел, что учреждение переполнено „врагами и бюрократами". Папанин произвел чистку... Вскоре после назначения на эту должность Панина, правительство публично обвиняло администрацию Северно-Морского Пути во „вредительстве", благодаря которому ряд судов были затерты арктическими льдами. Судьба обвиненных неизвестна...

Май, 22, (АП) — Старая большевичка Александра Артюхина, наследственная пролетарка, подвергавшаяся преследованиям со стороны царского правительства, снята с руководства Хлопко-Текстильным Союзом Рабочих за непроявление активности против антисоветских вредителей. „Труд", газета Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, сообщает, что с работы сняты и некоторые ее подчиненные; газета призывает к дальнейшей чистке профсоюзов от „троцкистко-бухаринских" остатков. Артюхина — член ЦК партии. „Труд" пишет: „Остатки подлой троцкистко-бухаринской банды еще не выкорчеваны полностью из союзов. Они пытаются разлагать членский состав, прививая ему принципы трэд-юнионизма, (который практикуется за пределами Советской России), и притупляют политическую деятельность рабочих союзов. Важнейшая задача — уничтожение врагов до конца и вымести остатки контр-революционного трэд-юнионизма и тренировать членский состав союзов в духе большевистской бдительности и политической активности".

МОСКВА, Июнь 13, („Нью Йорк Таймс") — Московский корреспондент „Нью Йорк Таймс", Гералд Денни, сообщает, что орган Союза Безбожников („Безбожник") уведомляет, что Комиссариатом Внутренних Дел „ликвидированы" 49 церковником, активных с 1936 года. Эти церковники „ликвидированы" в Кузнецком районе Куйбышевской области. Среди ликвидированных указаны 20 священников, 2 дьякона, 7 псаломщиков и более 20 прихожан, „бывших и чуждых классовых элементов". Называется имя только одного священника — Тарнопольский.

Июнь 15. — Корреспондент „Нью Йорк Таймс", Гералд Денни, сообщает из Москвы о чистке Комиссариата Внутренней Торговли. Устранены с должностей 7 высокопоставленных чинов комиссариата. Многие из них обвиняются в плохом политическом прошлом и в сотрудничестве с общественными врагами. Эти обвинения указывают на возможность пред'явления им уголовного обвинения. Даже теперешний комиссар внутренней торговли М. П. Смирнов, заместивший арестованного в Октябре 1937 года „врага народа" С. И. Вейцера, не избег суровой критики.

А. Н. Позднышев, заведующий отделом закупки и продажи фруктов и овощей, который раньше был исключен из партии за связь со врагами народа, обвиняется в неподготовленности к сезону, вследствие чего пострадало снабжение фруктами и овощами, и что фрукты и овощи, доставляемые в Москву и в другие большие города, или гнилые или плохого качества.

М. В. Чернявский, заведующий отделом организации внутренней торговли, обвиняется в прошлой уголовной деятельности в этом отделе и является ныне ответственным за его дезорганизацию.

Г. Н. Зверев, заведующий отделом общественного питания, под контролем которого находятся публичные рестораны, кафе и рестораны при заводах и учреждениях. Зверев обвиняется в том, что он не только не открыл многие рестораны, закрытые „вредителями", но еще сам за-

крыл многие. Он обвиняется также в плохом снабжении ресторанов продуктами и в чрезмерном снабжении их алкогольными напитками и папиросами.

Г. Д. Пальчиковский, называется сыном кулака, который часто исключался из партии.

В. С. Иванов, заведующий отделом торговли хлебом, обвиняется в торможении снабжения хлебом.

Устранены с должности М. Н. Зернов и В. Б. Локшин, консультанты Комиссариата Внутренней Торговли.

Другие обвинения против комиссариата: снабжение непригодными для употребления товарами, например, электрические лампочки ошибочного вольтажа; доставка товаров с отдаленных пунктов, которые можно купить поблизости, что влекло ненужную загрузку транспорта; часто в деревенских лавках крестьяне не имеют возможности покупать такие простые и необходимые товары как соль, спички и керосин.

Июнь 17, (АП) — Сообщают о 9 расстрелах в Благовещенске на Амуре за шпионство и вредительство. Это второй случай расстрелов на Дальнем Востоке. Во вторник, 14 июня, в Биробиджане, Еврейская Автономная Республика, расстреляно, 17 человек, как члены вредительской и шпионской группы.

Июнь 19, (АП) — Согласно сообщениям „Правды", центральный орган компартии, на Украине происходит новая чистка коммунистических лидеров. В статье секретаря ЦК Компартии Украины Бурмистренко, в качестве „врагов народа" названы 10 партийных лидеров. Большинство имен этих лидеров обозначены инициалами. В течении последних лет украинская компартия подвергалась жестокой чистке несколько раз; партию очищали от „националистических элементов", конспирировавших передать Украину Германии и Польше. Теперь, согласно статьи Бурмистренко, идет „чистка чистильщиков", которые исключили из партии большое число членов в целях создать недовольство, которое способствовало бы вербовки членов в оппозиционное движение.

По непроверенным еще слухам **Г. Петровский,** украинский Калинин, пал жертвой сталинской антишпионской кампании.

ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИЗМА ЧТО?

(Продолжение).

V.

Образование нового класса.

Кронштадт — поворотный пункт в истории русской революции: это видимое начало конца русской революции, начало роста контр-революции, которая, впервые в мировой истории, стала день за днем утверждать господство нового класса — бюрократии, комфашизма.

Процесс этого утверждения начался со слияния, со срощения партийной бюрократии с бюрократиями государственной и хозяйственной.

„Генеральная линия", первая и вторая пятилетки начали и закончили стабилизацию бюрократии, как класса, как творца нового фашизма — комфашизма.

Большое количество рабочих и крестьян были вовлечены в государственный аппарат; они срослись с ним, сжились с ним, сжились с теми привилегиями, с теми материальными, бытовыми, социальными и культурными условиями, которые предоставляло им государство, и которые так не похожи, так далеки от условий их первоначальной среды, среды рабочих и крестьян, что они уже не только не хотят возвращаться обратно, но думают об этом с неподдельным ужасом и готовы на все, чтобы закрепиться в данных условиях навсегда и по закону. Их дети за 20 лет пребывания отцов у власти, росли в привилегированных условиях. Между этими детьми и детьми рабочих и крестьян, ростущими в диаметрально противоположных условиях, образовалось такое огромное расстояние психологического и классового различия, какое существует в любой буржуазной стране и даже того больше.

Теперь эти дети выросли и влились в ряды господствующего класса, в ряды бюрократии, в качестве офицеров армии и флота, в качестве инженеров, экономистов, профессоров, учителей, агрономов, врачей, судей, правозаступников; в качестве разных администраторов, членов правительства и они теперь создают для себя и для своих детей еще лучшие привилегированные условия и с еще большей настойчивостью стремятся к закреплению этих привилегий в законодательном порядке. Отсюда вытекает не только потребность „законным" образом закрепить навсегда за классом эти привилегии и преимущества, но и потребность обсобления от черни, от рабочих, от мужиков; потребность развивать хозяйство в целях удовлетворения, в первую очередь, потребностей и вкусов сво-

сго класса. Отсюда сотни сортов хлеба, и пирожных, при голодном существовании масс; классовые вагоны железных дорог, магазины мод, в которых дамские платья продаются от 100—500 и выше рублей при низком заработке рабочих; магазины красоты, косметики; дорогие государственные рестораны и кабарэ с изысканной кухней, питиями, музыкой и танцами; гастрономические государственные магазины с бесчисленными сортами всевозможных местных и заморских яств; лучшая в Европе гостиница построена в Москве, со всеми усовершенствованиями и удобствами, постройка которой обошлась более 30,000,000 рублей и т. д. Все это ныне законно, так же как и в буржуазных странах; каждый может наслаждаться жизнью без оглядки, без боязни перед партией, перед государством, если, конечно, имеешь деньги, „уважение" к которым в России проповедуется ныне не в меньшей, если не в большей, мере, чем в странах капиталистических.

В первую очередь, как всегда и везде, новый класс нуждается в сильной, строго-дисциплинированной, преданной режиму армии, поэтому, забота об армии в России была первой и главной заботой, она ставилась в привилегированное положение: большевики старались создать свою военную касту, с кастовым понятием долга и чести, с кастовой гордостью и превосходством. Это создано и закреплено постановлением ЦИК и СНК СССР от 22-го сент. 1935 г. Согласно этому постановлению в Красной Армии введены „персональные военные звания" командного состава в целях „поднятия роли, значения и авторитета начальствующего состава", как писала „Правда" от 23-го сент. 1935 г. Служба в Красной Армии, по словам даже самой „Правды", „стала пожизненной профессией".

Красные поручики, лейтенанты, капитаны, полковники и маршалы, — установлен и такой титул, — выходя в отставку, будут получать, как при царе, как при буржуазии, соответствующие их чину пенсии; их дети, таким образом, ставятся в привилегированное положение, как дети военных во всех остальных странах, несмотря на существование формального равенства. За военной кастой потянулась огромная армия политико-экономической бюрократии и таким же законным образом оформится и закрепится и ее привилегированное положение и станет не только фактическим, но и законом установленным. Сталинская конституция есть первая попытка такого закрепления.

„Перед наиболее энергичными — или наиболее ловкими и приспособляющимися — открывается нередко возможность перехода из рядов рабочего класса на высшую социальную ступень, переход в ряды технической интеллигенции или в ряды хозяйственной, партийной, комсомольской или иной бюрократии, формально причисляемой, к рабочему классу, но в условиях бюрократизированного диктаториального государства, фактически постепенно обособляющейся от пролетариата в качестве нового привилегированного общественного слоя" (С. Шварц, статья „Консолидация раб. класса в СССР", „Соц. Вестник", №23-24, 1934 г. Париж).

Эту мысль русского меньшевика, в корне правильную — и меньшевики иногда мыслят правильно, по анархически, по бакунински — бывший вождь мирового пролетариата, главный секретарь Коминтерна, Мануильский, иллюстрирует цифрами.

„Еще до 1933 г., говорит Мануильский в своем докладе 7-му конгресу Коминтерна, из рабочих и детей рабочих было выдвинуто полутора миллиона человек на посты директоров предприятий, судей, прокуроров, учителей, научных работников, слушателей академий и т. д."

„В высших учебных заведениях и техникумах насчитывается сейчас 1 млн. 300 тыс. учащихся. Вторая пятилетка предусматривает рост числа специалистов с 2.7 млн. до 4-х млн.", доложил Мануильский.

Итак, до второй пятилетки было 2.5 млн. специалистов и 1.5 млн. выдвиженцев, т. е. всего 4 млн. и 200 тыс., вторая пятилетка прибавила еще 1 млн. 300 тыс. — это уже будет равно 5.5 млн. привилегированных т. е. 3% всего населения. Всего в России можно считать 7—8 млн. привилегированных, сросшихся с государством, с режимом и преданных ему душой и телом. Это значит, что бюрократический класс численно уже почти насыщен до предела; может быть ему понадобится еще два-три млн. бюрократов. Уже создается резервная армия, поэтому, вполне естественно, начинается тенденция, которая проявляется все ярче и ярче, затруднить доступ в высшие учебные заведения, затруднить „чумазым" доступ в ряды правящего класса, который теперь хочет размножаться и пополняться в порядке естественного прироста внутри самого себя и в порядке „наследственности" замещать государственные должности во всех областях.

Перевод всей жизни на коммерческий расчет по принципу „каждому по способностям", „каждому по ценности услуг, оказываемых государству", борьба с „уравниловкой" приводят к установлению и закреплению экономического неравенства, вследствии чего создается положение аналогичное положению в капиталистических государствах: каждый имеет равное право на образование и занятие государственных должностей, но не каждый имеет равные возможности использовать это право. Например, дети рабочих в Америке имеют

равное право на образование с детьми президента, с детьми Форда и прочих мультимиллионеров, но они, благодаря имущественному неравенству, не имеют одинаковых возможностей использовать это право, поэтому Форды наверху, а трудящиеся внизу, под Фордами. Так сейчас и в России. В высшие школы в первую очередь идут дети коммунистов, затем, имеющие политическую благонадежность, дети разных чиновников и т .д.

Отсюда вполне понятно, что 1 млн. 300 тыс. учащихся в высших учебных заведениях и техникумах в огромной массе — дети вновь образовавшегося господствующего класса.

Класс сформировался, численно вырос и в его недра уже нет и не будет такого широкого доступа, который имел место в начальный период его формирования; теперь все пойдет чинным и спокойным порядком, как полагается в любом благоустроенном государстве. Но для этого необходимо иметь опору в низах, в массах. Такой опорой для Столыпина и для всех буржуазий мира являлся зажиточный крестьянин и зажиточная мелкая городская буржуазия. Большевистский режим уничтожил эти категории и в тоже время выросшая бюрократия не может опираться больше ни на рабочего, ни на бедного крестьянина; она нуждается в такой же опоре, как и буржуазия, и она создала мелкую зажиточную бюрократию на фабрике и в колхозе, путем невиданной в мире дифференциации, дробления заработной платы, и путем ударничества, воспитанием колхозной и профсоюзной бюрократии и путем мелких привилегий.

В то время как огромная колхозная масса, не говоря уже о единоличниках, до сих пор живет на заработке ниже прожиточного минимума — по 2.2 центнера на душу в 1934 г. а в довоенное время 2.5 центнера — большевики созывают с'езды колхозных ударников, которые сплошь состоят из сельских бюрократов, бригадиров и им подобных, насаждают в них антиобщественную, антисоциалистическую психологию „индивидуалов" с кабанчиками, с телушками, с капустой и овощами со своего огорода, **охраняемого милицией и оружием от голодных мужиков.**

Ставят их в пример и поощряют всеми мерами и способами благодушие деревенской новой аристократии, эксплотирующую всю колхозную массу и строющую свое благополучие на нищете и голоде много-миллионного колхозного крестьянства.

Бюрократия создала своего зажиточного мужика, который будет ее защищать руками и зубами, так как он чувствует и понимает, что своим благополучием он обязан данному режиму. Именно это настроение и преобладает на с'ездах ударников-колхозников, на слетах, совещаниях и приемах ударников промышленности и мелких заводских администраторов.

„Получил я свыше 1000 пуд. пшеницы, сыновья мои тоже около того, купили мы себе одежду и сапоги, купили две телушки, починили избу, теперь хотим улья ставить" (Урал).

„Мне сейчас, товарищи, хорошо. У меня, вечного батрака, сейчас все есть: у меня одежда хорошая, у меня патефон, есть велосипед, ружье, часы, есть хорошая постель, хорошая квартира, у меня корова, свинья и птица. Мне жить хочется", говорит заведующий молочной фермой.

„Всего я накупила, всего хватает, — рассказывает механик Бахолдина, — 32 платья себе нашила, сама смеюсь над этим, зачем мне столько" (Зап. Сибирь).

„Для меня в колхозе жизнь стала много богаче и интереснее. Никогда раньше мы не имели столько денег, хлеба и столько продуктов. У меня самой 566 трудодней. Были мы темными, неграмотными людьми, выше земли мы головы не могли поднять... Теперь у меня одна дочь кончает учиться на агронома, а другая, шестилетняя, ходит в детский сад и говорит, что будет инженером. Будет! И почему ей теперь не быть". (Закавказье).

А между тем:

„Таких колхозов, как наш, у нас в районе найдеться, ну еще один". (Зап. Сибирь).

„Наш колхоз самый передовой, а рядом с нами остальные колхозы с урожаями в два раза меньше" (Крым).

Вот на этот именно элемент опирается нынешняя совбуржуазия в деревне, ухаживает за ним, славит и хвалит его, награждает орденами и обласкивает. Почему? Потому что этот элемент предан власти и обуздывает все остальное сельское население, держит его в подчинении власти. Эти элементы закрепляют существующее большое неравенство между колхозами и внутри колхозов, так как внутри колхоза деление идет по тарифу на семь категорий, из которых высшая получает в 4 раза больше нисшей; по трудодням разница достигает в 6 и даже 30 раз, наконец, по премиям и вычетам. Все это создает различное имущественное положение и распределяет колхозную массу — **на колхозную аристократию, высшую сельскую политическую бюрократию, колхозную бюрократию и многомиллионное бедняцкое колхозное крестьянство.** Здесь, в деревне, каких нибудь 3—5% населения грабят и угнетают остальные 95—97%.

Эти 3—5% поддерживаются властью, государством, а они, в свою очередь, поддерживают государство и являются его глазами, ушами и руками.

Тоже самое происходит и в промышленности, в городе. Здесь усиленно создается небольшой зажиточный слой рабочих из ударников, мастеров, бригадиров, техников, из членов партийных и профсоюзных ячеек.

В этом отношении огромную роль играет стахановщина, значение которой нужно рассматривать не в плоскости повышения производительности труда, а в социально политической плоскости. Как метод поднятия производительности труда, стахановщина не только давным давно обанкротилась, но больше того, показала, что она в высшей степени вредна. В социально-же политической области значение стахановщины, понимая ее в самом широком смысле, огромно. Это — метод создания нового класса, соответствующего мелкой зажиточной буржуазии, на которой можно держаться противъ трудящихся масс, против пролетариата.

Ныне нет ничего общего между трудовыми элементами страны и новым господствующим эксплоататорским классом — бюрократией. Она более не может опираться на рабочих и крестьян, как в начальный период своего формирования, ибо их интересы лежат во взаимно исключающих плоскостях — они враждебны и непримиримы: бюрократия стремится закрепить свое положение и свои привилегии, а рабочие и крестьяне, в целом, стремятся уничтожить не только эти привилегии, но и саму бюрократию и условия ее порождающие.

Значит, чтобы закончить свое классовое формирование, бюрократия должна была создать среди рабочих и среди крестьян опорные пункты против рабочих и крестьян, т. е. должна была выделить из их среды экономически более обеспеченные элементы, политически более привилегированные, психологически враждебные социалистическим и уравнительским настроениям. Что она и делает при помощи стахановщины и других методов.

Вот почему ударникам даются деньги, награды, слава, грамоты и привилегии мелкого характера, которые, при всеобщей нищете и закабаленности, вырастают в огромный социальный фактор. Вот почему эти ударники получают продвижение по должности, вплоть до назначения директорами заводов, и политически выдвигаются вплоть до членов Высшего Совета Республики. Для этой же цели служат и царские приемы, которые устраиваются время от времени руководящим работникам и стахановцам различных отраслей промышленности.

Возьмем для примера „прием руководящих работников и стахановцев металлургической и угольной промышленности руководителями партии и правительства в Кремле 29 окт. 1937 г." и посмотрим какую цель этот „прием" преследовал. Официальная цель — поднятие производительности труда. Неофициальная, и самая важная, — психологическая обработка этих элементов.

Каганович начал свою застольную речь так:

„Товарищи! После работы наших совещаний металлурги и угольщики имеют честь встретиться в дружеской обстановке с руководителями партии и правительства. Работникам металлургической, угольной, коксохимической, огнеупорной и железорудной промышленности оказана большая честь, которую, я уверен, они оправдают на деле".

„Оказана большая честь"... Так и на царских приемах не говорили! В демократических буржуазных республиках, например, в Америке, быть принятым президентом совсем не считается большей честью, а в социалистической стране, „дружеская встреча" членов партии со своими лидерами — большая честь; встреча рабочих со „своим" правительством — большая честь. Что это как не внедрение психологии обласканного подчиненного, как не создание такого состояния ума, которое принимает неравенство как естественное состояние общества? Именно это и есть.

Сталин, выпивая „за здоровье наших средних и малых хозяйственных руководителей" сказал:

„Кроме больших руководителей есть еще руководители средние и малые. Их, этих руководителей, малых и средних, имеется унас десятки тысяч. Они скромные люди, они не лезут вперед, их почти незаметно. Но было бы слепотой не замечать их. Ибо от этих людей зависит судьба производства во всем нашем народном хозяйстве. Значит, от них зависит и судьба нашего хозяйственного руководства". Сталин имел в виду не только судьбу „хозяйственного руководства", но и судьбу своего господства, которое без этих „мелких и средних руководителей" висело бы в воздухе, не имело бы фундамента и опоры. Без них господствующий класс не может существовать и Сталин это прекрасно понимает. Он понимает, что, как „в старое время, во время капиализма, хозяйственные руководители, всякие там директора, управляющие, начальники цехов, мастера считались цепными собаками хозяев капиталистов", так и теперь, как бы на словах он и не отрицал это, эти элементы должны быть „цепными собаками" хозяев-бюрократов. И для этого делается решительно все, вплоть до устранения всякого социалистического сознания из голов этих элементов и насаждения собачей преданности режиму и личного эгоизма, позволяющего строить свое личное благополучие

на нищете рабоче-крестьянских масс.

Успех в этом отношении достигнут огромный, как показывают речи различных ударников кандидатов в первый парламент нового господствующего класса.

Кандидат в депутаты Совета Союзов козак-колхозник. Д. С. Юдин говорил своим избирателям:

„Сейчас я уже не тот, каким был, когда батрачил у кулака Заволокина. Теперь я зажиточный. В нынешнем году получаю около 200 пудов хлеба и 1,000 рублей деньгами. В личном хозяйстве у меня корова, два теленка, 10 овец, птица и т. д."

Кандидат в депутаты Совета Союзов Н. Т. Малюшин говорил: „Я пришел работать на завод чернорабочим, а сейчас я работаю мастером, и этого может добиться в нашей стране всякий, кто желает честно, внимательно относиться к труду, тот, кто любит свой труд и свою родину."

(„Правда", 4 дек., 1937).

Домашняя хозяйка Е. Л. Иванова говорила:

„Вот, напрпмер, мой сын. Мы копейки не истратили на него, а он у меня — лейтенант. Кому мы этим обязаны? Нашему дорогому другу и учителю — товарищу Сталину" („Правда" 24 ноября 1937 г).

Слесарь-стахановец П. Ф. Золотов сказал:

„Сейчас я работаю 7 час. в сутки. Я зарабатываю 500—600 рублей в месяц. Я всем обезпечен. Я уверен в завтрашнем дне. Я получил среднее образование, передо мною открыты двери научных учреждений, вузов и втузов. Моя мечта — стать командиром Красной Армии"... („Правда", 24 ноября 1937 г.).

Можно было бы привести таких примеров множество, но и этих вполне достаточно для иллюстрации того, что высшая бюрократия успела создать своего кулака, своего зажиточного мелкого буржуа, на которых она может опираться в борьбе с рабочим и крестьянским классом.

Мы видим в речах блестящее отсутствие мысли о нежелательности материального неравенства, наоборот, мысль о законности материального неравенства крепко засела в сознание не только руководящей бюрократии, но и в низах этого господствующего класса, во всех этих ударниках, бригадирах и мастерах. Никакой заботы, никакого намека на необходимость поднятия материального уровня всех рабочих и крестьян, т. е. миллионов и миллионов, получающих 110—115 рублей в месяц при цене кило картофеля в 30 копеек.

Неравенство теперь бьет в глаза везде и повсюду: в области питания — три категории столовых на заводе, в одежде, в жилище, в отдыхе, в образовании, в удовольствиях, в работе, в обращении. Заканчивается процесс разделения на „знатных" и незнатных „людей страны", как выразился Сталин.

Советская знать — это разных калибров совбюрия, которая нетерпеливо ждет отдыха и законного наслаждения плодами революции. Сталин предоставляет ей это, поэтому она захлебывается в прославлении его и в выражении верноподданнических чувств и благонамеренности. Сталин стал героем, вождем, „фюрером", глашатаем интересов этой совбюрократии, ее символом. Теперь, в порыве благодарности, совбюрократия энергично проводит Сталина в общенародные герои и сам Сталин прет туда же без всяких прикрытий. Делается возможное и невозможное, что бы поднять его популярность среди широких масс.

Отсюда идиллия Сталина с матерью, посещение и обласкивание детей; дача на трамвай денег девочке, приехавшей на парад с Кунцева; появление Сталина на с'ездах колхозных и фабричных ударников в позе покровительственной отцовской заботы; обласкивание армии, забоiы о кадрах, дача телушек и огородов колхозникам и все в таком же духе. Сталин это — Муссолини или Гитлер для нового класса России и ничего не будет удивительного, если он будет провозглашен пожизненным диктатором; ничего нет удивительного и в том, что устранена советская система и заменена парламентом, на манер Гитлера и Муссолини, во главе со Сталиным, „гениальным вождем мирового пролетариата". Все это — прямое свидетельство установления господства нового класса.

В соответствии с этим обрабатывается молодежь и армия. Раньше стыдились слова „отечество" и для национально-партийных нужд придумали „социалистическое отчество". Теперь это социалистическое отечество спешно заменяют родиной, и „Правда", когда писала (9 июня 1934 г.) о декрете об измене родине (Дек. от 8-го июня 1934 г.), призывала стоять „за Родину, за ее честь и славу, мощь и благоденствие".

Тогда как социалист должен защищать не „честь и славу" „пяди земли" от „свиных рыл", не „мощь нации", а новые формы общества, свободу, самоуправление; свободу и простор развития творческих способностей.

Социалисты говорят, что для торжества в России реакции необходимо восстановление собственности на орудия и средства производства, в России же, говорят они, уничтожили буржуазную собственность и не восстановляют ее. В значительной мере это верно. Но, уничтожив буржуазную собственность, в России утвердили государственную собственность и передали ее в ведение и управление бюрократии; из этого

с логичской неизбежностью вытекает бюрократический переворот, т. е. социал-фашизм или Комфашизм. В России он уже установился и продолжает все яснее и резче выявлять свои формы. В области политической и экономической этот комфашизм также реакционен, как и самый обыкновенный буржуазный фашизм, и даже более реакционен. После большевизма не может быть реакции, не может быть Наполеонов, Гитлеров, ибо большевизм всех их заткнул за пояс, ограбил их — им нечего делать в России. Большевизм естественно развился в диктатуру бюрократии, нового общественного класса. Эта диктатура есть новый вид фашизма, выросший из гос.-капитализма, который должен быть безпощадно уничтожен рабочим классом, если он не хочет быть уничтоженным этим комфашизмом.

Задача пролетариата — вернуться на пути октябрьской революции, расширить их и улучшить их, чтобы скорее придти к такому состоянию, когда, как писал Мюзам, замученный Гитлером,

Бодро будет плуг вести работник.
Будет женщина спокойно ждать ребенка.
В каждом доме радость будет беззаботна.
И в саду душистом засмеется звонко.
Мирно будут ружья спать в музейных
клетях,
Больше никому они не будут нужны.
В храмах, синагогах и мечетях
Слышен будет только говор дружный.
Глубочайшие запросы духа
Будут люди изучать любовно;
Будут крепко уважать они друга друга
И решать все споры полюбовно.

Но этого то новый господствующий класс и боится и против этого беспощадно ведет борьбу, как показали последние казни вождей большевизма.

Г. Максимов.

(Продолжение следует).

Как я стал анархистом

Старая „матушка" Россия была для меня мачехой. Я сын бедного, малоземельного, обремененного детьми крестьянина. С раннего детства породнился я с нуждой и горем. Кормился черствым черным хлебом и ежедневно молился о хлебе: „боже милосердный, хлеб наш насущный даждь нам днесь"... Воспитывали меня подзатыльниками, шлепками и руганью.

В церковно-приходской школе меня учили не только молиться за хлеб насущный, но и лобызать руку духовных „отцов", гнуть спину перед помещиком и ломать шапку перед всяким начальством.

Когда я подрос, меня стали отправлять на поденщину к помещику, у которого работал от зари до зари за 15 копеек в день на своих харчах.

Чудная природа, так красиво воспетая поэтами, меня не интересовала и я ее не замечал. Изнуренный тяжелым и долгим трудом, я медленно брел домой, часто спотыкаясь и падая по пути, так как, благодаря отсутствию жиров в пищи, страдал „куриной слепотой".

Возмужав, я понял, что мне нечего делать дома и стал задумываться о своей судьбе и о поисках лучшей доли. Несколько моих односельчан проживали в Америке. Я видел их фотографии, на которых они высматривали чистыми, красивыми, пригожими, сытыми и одетыми, как бары. Эта сказочная страна манила меня и я решил ехать искать свою долю, свое счастье в этой далекой стране. Особой жалости я не вызывал у своих родителей и родни, когда заявил им о своем решении. Мать повесила мне на шею медный грошевый крестик — символ распятия русского крестьянства, и я, под зависть своих сверстников и, может быть, некоторых родственников, уехал в „страну обетованную".

Жизнь моя в Америке ничем не отличалась от жизни тысяч таких же обездоленных, как и я. Хвалиться нечем. Здесь, в Америке, я понял, что все хорошо, что далеко. На своей шкуре я познал, что за „барский наряд", который меня так соблазнял в деревне, здесь нужно тяжело работать и унижаться. Но все-же я жил здесь в лучших условиях: лучше питался, чище жил и спал; мой внешний облик переменился: вместо свитки и лаптей, я носил пальто и ботинки, но внутренний, духовный мой облик остался тем же, неизменившимся российско-деревенским.

Но вот подули ветры русской революции. Зашумели витии с трибуны: „Товарищи, нам нужно... мы должны... наша священная обязанность... наш долг" и пошел писать... Сознаюсь, я слабо, очень слабо разбирался во всех этих речах, я воспринимал их нутром и чувствовал, что в России произошли великие перемены и что от меня требуют участия, активного участия в этих переменах и выполнения какого то долга. Я не пропускал ни одного собрания и ни одного митинга и жадно ловил слова ораторов. Я учился. Это была моя школа, школа политической грамотности и классового самосознания. Иногда речи так глубоко волновали меня и с такой силой брали за сердце, что я плакал от умиления, слезы текли по моим щекам, а я их не за-

мечал и не чувствовал...

В партийных тонкостях я не разбирался тогда, да и теперь не так еще хорошо знаком с ними, вследствии чего партийные споры всегда навевали грусть и вносили в голову подозрение и неуверенность: „значит, думалось, и теперь не все еще хорошо".

Я примкнул к большевикам: их обещания и речи мне нравились лучше других. В партии, конечно, я не состоял, но митинги посещал. На митингах всегда производились денежные сборы и я щедро давал. У большевиком большего и не требовалось: слушай и жертвуй. Позже пошли разговоры об измене большевиков революции и я стал охладевать, речи перестали вызывать слезы умиления. Грусть и тоска постепенно овладевали мною. Прежней жизнью я уже не мог жить, а идол, которому я поклонялся, упал с того высокого пьедестала, куда вознесло его мое необузданное воображение и обажание.

Что делать?.. Кому верить и чему поклоняться?.. Где искать и как найти путеводную звезду?..

Простой случай столкнул меня с тов. Коваленко. Я познакомился с ним в парке, куда любил ходить посидеть у воды, чтобы разогнать тоску. И с этого знакомства начинается коренной перелом в моей жизни. Мы долго беседовали, вернее, он говорил, а я слушал. Беседа пробудила во мне угасавший было интерес к общественным вопросам. Вскоре мы подружились и стали жить на одной квартире. Он рекомендовал мне книги для чтения, занимался со мной и я стал лучше понимать и грамоту и политические „выкрутасы". Политическое воззрение Коваленко было пробольшевистское. Он полагал, что „диктатура пролетариата" есть переходная стадия к анархизму; он считал, что сперва нужно смирить бывших господ, научить их добывать свой „насущный хлеб" собственным трудом и навремя отнять от них политические права; подготовить их к бесклассовому обществу, а потом уровнять в правах со всеми остальными гражданами. Коваленко — участник революции, более грамотний, чем я, и я ему верил.

В 1929 году Коваленко уехал в Россию. „Не хочу, чтобы меня эксплоатировали американские толстосумы, говорил он, поеду на родину, за свободу которой я боролся, и там буду жить"...

Разлука с ним была очень тяжела для меня. Я снова остался одиноким. Но, к счастию, ненадолго: Коваленко скоро вернулся.

„Свободная родина", которая его так манила и не давала спокойствия душе его и по которой он тосковал тихой, но пожирающей здоровье тоской, оказалась полной противоположностью той родине, которая сложилась в его представлении и выношена в глубине его сердца. Его взгляды на большевистскую „переходную стадию" изменились. Мы снова начали заниматься, но наши занятия уже пошли по руслу анархизма. И теперь, чем больше я вникаю в учение анархизма, тем сильнее убеждаюсь, что только он может вывести все человечество из того тупика, в котором оно очутилось благодаря государству, власти, капиталу и ложной теории „диктатуры". Теперь меня уже не запугаешь, что анархия — это хаос, беспорядок, неразбериха и пр., ибо я знаю, что эти слова исходят из уст политических шарлатанов и пройдох. Для меня теперь ясно: анархия — действительно, мать порядка, согласованности, взаимного уважения, политического и экономического равенства и братства всех народов. К этому я теперь стремлюсь, за это я теперь борюсь и думаю, что рано или поздно, скорее рано, чем поздно, дружный интернациональный союз таких, как я, сломит вековечного врага Свободы и Равенства и утвердит на земле подлинный мир и благоволение.

П. Гаврилюк.

ИЗ ПРИКАЗА ПО 28-ой ДИВИЗИИ (имени Франциско Асказо).

Славная 28-я Дивизия Народной Армии Испанской Республики, за отличное поведение под огнем противника, особо отмечена командующим и политкомиссаром Левантийского фронта, а также и самим генералом Миаха; она является одною из образцовых дивизий. Боевая история дивизии точно отображает историю борьбы Испанского Народа с предателями и агрессорами. Основой ее послужила одна из первых колон миллиоцинеров, организованных в Барселоне, колонна Франциско Асказо, которая была реорганизована в армейскую 28-ю Дивизию. Командиром ее с первого дня и до сих пор является т. Грегорио Ховер Кортэс, старый активист НКТ.

Получив приказ сопротивляться и не сдавать позиций, 28-я Дивизия имени Франциско Асказо не уступала ни на шаг, несмотря на все отчаянные попытки превосходно вооруженного врага.

(„Солидаридаридад Обрера", 5-го мая).

Командующий 28-й Дивизией имени Франциско Асказо т. Грегорио Ховер Кортэс и командир 25-й Дивизией (бывшая Конфедеральная Колонна Ортиса) т. Мануэль Гарсиа Виванкос за боевые отличия произведены в подполковники.

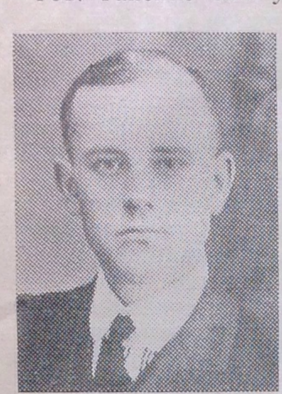
Декретом правительства был произведен в майоры милиции с 19-го июля 1936 года за услуги, оказанные Республике на полях сражения, и повышен в чине с 20-го ноября того же года за боевые отличия павший смертью храбрых Буэнавентура Дуррути Домингэз".

Испанское Республиканское правительство впервые дает чин подполковника вождю милиции, павшему на поле брани. Эта честь оказана нашему незабвенному товарищу Б. Дуррути.

МАТВЕЙ ТАНЕНКО

Письмо из Калифорнии известило детроитскую группу „Дела Труда" о смерти ее бывшего члена Матвея Таненко. Таненко умер 31-го марта в 11 ч. 30 м. ночи, в городской больнице местечка Мамет, окрестность Лос Анжелеса. Порок сердца скосил нашего товарища на 46-ом году жизни.

Тов. Таненко был убежденным анархистом-коммунистом. Покойный тов. не только **имел** анархические убеждения, но и старался поступать согласно этим убеждениям в обыденной общественной и семейной жизни. Его биография такая же скромная, как и биография всех анархо-массовиков, рядовиков. Сын малоземельных минских крестьян, он с раннего детства познал черную нужду. В России, этой мачехе всех трудящихся, ему нечего было делать и он, в 1914 году, уехал в Америку. Здесь, зарабатывая тяжелым трудом кусок хлеба, он находил время на приобретение знаний. Двухклассная школа, которую он окончил в России, оказалась большим подспорьем в деле самообразования и выработки политических взглядов. Прочтя труды Бакунина, Кропоткина и других конструктивных анархистов, Таненко примкнул к анархическому движению и остался верным его принципам до последних минут своей жизни.

В 1917 году он пламенел желанием поехать в Россию помочь пасынкам, превратить мачеху в мать. Только в 1920 году ему удалось осуществить свою боевую мечту — в этом году он уехал в Россию и сражался там с оружием в руках против белых банд адмирала Колчака. Несмотря на это, он подвергался преследованиям со стороны большевиков и только по счастливой случайности избежал расстрела полевой Че-Ка. В 1922 году Таненко возвратился в Америку. В 1925 году покойный товарищ приехал в Детройт и с прежним пылом начал работать в рядах безвластников. При его активном содействии было организовано Общество Помощи Политическим Заключеным в СССР. Он был секретарем, а затем кассиром этого общества. Львиная доля работы по сбору средств падала на него. За какую бы работу Таненко не брался, он всегда доводил ее до конца. Своей честностью, активностью и преданностью покойный служил примером для остальных товарищей. Халатность и равнодушие некоторых товарищей его раздражали и волновали и он говорил им открыто: „или работай, или уходи, ибо твое разгильдяйство обескураживает других и лишает желания работать". По природе Таненко был очень общительным человеком и это ему помогало в кропотливой работе среди русских колонистов. Он не пропускал ни одного предприятия русских, шел на каждое с пачками литературы и с розыгрышными билетами в пользу заключенных. Он отлично понимал, что маленькая лепта, присланная из-за океана, подбодрит, вдохновит узников, томящихся в большевитской ссылке и каторге.

В 1929 г. Таненко оставил Детроит и уехал в Калифорнию, но переписки с группой он не прекращал. В каждом писме он справлялся об успехах группы и всякая ее неудача его огорчала. Он интересовался движением до последнего дня жизни и поддерживал связь с нами и с калифорнийскими товарищами, отдавая предпочтение Федерации „Дела Труда". Таненко считал, что политическая линия Федерации правильная и заслуживает всемерной поддержки каждого чесного анархиста. Живя в провинции, он зорко следил за рабочим движением. Когда „Канадский Гудок" напечатал пасквиль против анархистов, протестовавших, якобы, совместно с буржуазией против вакханалии террора в СССР, Таненко послал в редакцию „Гудка" резкий протест против клеветы. Гудковцы, конечно, протеста-раз'яснения не напечатали.

Товарищ Таненко был скромным работником в нашем движении, но таким рядовым работником, без которых ни одно движение не может процветать и развиваться. Товарищ мечтал о близком осуществлении анархического идеала. Он умер, не увидев претворения идеи в жизнь. Но мы, оставшиеся в живых, можем сказать: дорогой товарищ, твоя мечта, за осуществление которой ты так стойко боролся, есть наша мечта, и мы будем продолжать работать не покладая рук над претворением мечты в действительность, за торжество анархии и коммунизма во всем мире. Человечество, блуждающее по жутким тупикам, рано или поздно выдет на широкий путь и придет к жизни в равенстве и в свободе. Люди гибнут, но их идеи живут. Дело Таненко не умирает с ним, оно продолжает твориться миллионами тружеников ему подобных.

Ф. Коваленко.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

ПРОГРАММА, ПОЛОЖЕННАЯ В ОСНОВУ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Р. С. — Н. К. Т.

НКТ и ВРС, будучи озабочены стремлением выиграть войну и обеспечить сохранность политических и экономических революционных достижений пролетариата, и продолжая всегда и везде добиваться новых улучшений, приняли проэкт Национального Комитета Связи о совместной деятельности обоих синдикальных организаций на следующих основах:

Национальная оборона.

ВРС и НКТ, признавая огромный прогресс в боеспособности и технической готовности Народной Армии, как следствие ее милитаризации, решили употребить все усилия, дабы облегчить создание регулярной армии, являющейся гарантией победы.

НКТ и ВРС заявляют, что они будут заботиться о поддержке тесного и братского союза между всеми соратниками Народной Армии, сражающимися под знаменем антифашизма.

1) Синдикаты должны интенсивнейшим образом содействовать созданию мощного резерва действующей народной армии, что будет способствовать ее победоносному наступлению, ибо должна производиться постоянная замена действующих сил свежими. Для этого синдикаты должны озаботиться чтобы все их члены с энтузиазмом выполняли приказ о мобилизации; проходили довоенную подготовку; обучали рабочих пользоваться оружием; сотрудничать и следить за тем, чтобы, вследствии мобилизации рабочих, не было перерывов в работе из за недостатка рук, а так же дать професиональную подготовку женщинам и мужчинам непризывного возраста, дабы ими заменять мобилизованных.

2) Обе организации предлагают поддерживать усилия Военного Коммиссариата и следить, чтобы в нем все антифашистские группировки были справедливо представлены.

ВРС и НКТ будут следить за тем, чтобы это взаимоотношение группировок соблюдалось во всех случаях. Будут поддерживать Военный Коммиссариат сухопутных, авиационных, морских сил, и вооруженных сил тыла на тех же условиях.

Обе Организации приложат все усилия, дабы добиться улучшения взаимоотношений между военными начальниками из бывших военных и вышедшими из гражданского населения. Таким образом будут устранены дефекты, бывшие в армии до 19-го июля.

3) НКТ и ВРС берутся предоставить правительству все необходимые средства для возведения укреплений, прокладки и починки путей сообщения, а также убежищь для гражданского населения.

4) Синдикаты должны обращать усиленное внимание на беспрерывное поддержание тесной связи с фронтовиками для чего и будут рассматривать их как своих членов, заботиться о их семьях и т. д., не нарушая, однако, функций военного Командования.

Основная идея ВРС и НКТ — быстрое и окончательное поражение фашизма и всестороннее усиление реальной демократии в организационных отношениях и в военных формациях. Поддерживать престиж Военного Коммисариата, как органа контролирующего и способствующего усилению народной армии, равно как и помогающего своим опытом и своей силой деятельности правительства, снимая тем самым с него часть его огромной ответственности.

Промышленность.

ВРС и НКТ нашли нужным приложить все усилия на увеличение активности испанской промышленности и в частности военной. Обе организации приложат все усилия, дабы сохранить твердый и дисциплированный тыл, углубляя у всех рабочих, без различия категорий, дух самоотвержения и самопожертвования, столь необходимый в данный момент. В этом духе НКТ и ВРС будут действовать по мере надобности.

Военная промышленность.

1) Статс-секретариат Вооружения об'единил в своих руках управление военной промышленностью, в согласии с Национальным Советом Военной Промышленности, которая будет создана при участии НКТ и ВРС.

2) Приспособление всех фабрик и мастерских к нуждам военной промышленности.

3) Централизация всего сырья и главным образом того, в котором нуждается Военная Промышленность.

4) Транспорт, который по своему роду необходим для военных надобностей, будет предоставлен в распоряжение правительства и будет централизован и милитаризован. Необходимая часть транспорта должна быть сохранена, дабы не страдало снабжение населения и промышленности.

5) Синдикальные организации ВРС и НКТ будут сотрудничать по быстрому созданию мощной военной промышленности. Синдикаты должны взяться за немедленное и крайне необходимое выполнение задачь по внедрению в сознание рабочих необходимости бдительности и недопущения всякого рода саботажа и увиливания

от работы; необходимости совершенствоваться в своем деле, дабы увеличить производительность и качество.

Национализация.

6) Должна немедленно быть произведена национализация рудников, железных дорог, тяжелой промышленности, судоходства дальнего плавания, банков и всей той промышленности, которая будет признана компетентными правительственными учреждениями необходимой для создания национальной промышленности.

Управление национализированной промышленностью должно быть централизовано и будет регулироваться компетентными учреждениями.

Национальные советы отраслей промышленности и верховный экономический совет.

7) Для проведения в жизнь плана национализирования промышленности, равно как и для организации и общей планировки производства ВРС и НКТ предлагают немедленно сформировать в правительстве, с участием обоих синдикальных организаций, Верховный Экономический Совет. Верховный Экономический Совет подготовит национальный экономический план и через посредство Национальных Советов Отраслей Промышленности, в которых так же будут принимать участие синдикаты, урегулирует, особенно в национализированной промышленности, потребление сырья, финансирование, установку видов продукции, их ввоз и вывоз, установку цен, формы вознаграждения за прибыль(?) и т.п., утилизируя все средства, дающие возможность легкого проведения в жизнь этого плана.

Правительство будет издавать законы по вопросам экономии в согласии с Национальным Советом Экономии.

Национальный Совет Экономии создаст специальный отдел инспекции труда во всех отраслях промышленности.

Профессиональная подготовка.

8) Кроме мер по подготовке профессиональных кадров, принимаемых правительством, синдикаты должны принять меры к поднятию общего культурного уровня профессиональной и технической подготовки рабочих при помощи организациии специальных курсов и профессиональных школ, при поддержке государства.

Муниципализация общественных служб.

НКТ и ВРС признают необходимость приступить к реорганизации городских служб, основывая их на муниципализировании.

Признавая недвижимое имущество, как государственную собственность, доходы с городской собственности, за исключением мелкой ренты, при посредстве законов, которые опубликует для этой цели правительство, будут переданы в распоряжении муниципалитетов.

Коллективизация.

1) ВРС и НКТ считают необходимым юридическое признание коллективов и посему находят нужным принятие законов о коллективах, которые установят какие из коллективов могут сохранить свое существование, нормы их функционирования и уставы их, равно как и формы государственного контроля над ними.

Коллективы, которые не подчинятся этому узаконению, должны быть ликвидированы.

2) Государство окажет помощь коллективам, которые примут эти законодательные формы и экономическая польза которых будет признана.

3) Вопрос, касающийся законодательства о коллективах, должен быть разработан и предложен правительству Национальным Советом Экономии.

Зарплата, цены и снабжение.

Улучшение жизненного уровня трудящихся и борьба с дороговизной и трудностью доставки продовольствия являются явной необходимостью.

Для этого НКТ и ВРС считают необходимым принятие следующих мер:

1) Синдикаты должны бдительно следить и преследовать спекулянтов.

Отели и мучная промышленность (булочные, кондитерские и т. д.), в первую очередь подлежат наблюдению синдикатов Пищевиков и Торговли.

2) Должны быть организованы прочные кооперативы потребления и производительные кооперативы с применением к последним ограничительного законодательства, применяемого к оптовым органам экспорта, находящимся под строгим контролем Государства, в согласии с постановлением Совета Экономии.

Должен быть выработан план ввоза продуктов, составляющих основу питания трудящихся, с целью обеспечить последних и их семьи пайком по ценам, соответствующим их зарплате.

Правительство должно так же принять участие в производстве и регулировании внутреннего потребления всех тех продуктов, которые служат базой для нашего вывоза.

3) ВРС и НКТ считают, что должно установить размеры минимального жалованья в соответствии с дороговизной жизни, принимая во внимание, с одной стороны, профессиональные категории, а с другой, полезность каждой из них. В этом духе синдикаты будут защищать в промышленности принцип: **„Вознаграждение прямо пропорционально качеству и количеству производства"** с введением премий, без различия пола и возраста, на все то время, которое понадобится для восстановления национальной промышленно-

сти. С этой целью должна быть создана национальная коммиссия зарплаты и цен с участием в ней представителей синдикальных организаций.

4) Спецам, как из коллективов так и находящимся на государственной службе, будет оказана вся необходимая помощь для повышения их научного и технического ценза.

(Окончание следует).

НКТ—ФАИ МОБИЛИЗУЮТ СВОИХ ЧЛЕНОВ.

Обращаем внимание всех групп, группировок, местных и уездных (камаркальных) федераций на серьезность положения, создавшегося в ведомой нами борьбе.

Благодаря неисчислимым запасам военного снаряжения, предоставленного интернационалом фашистских держав, враг наступает. Вновь призываем мы активистов и организации Анархической Молодежи, НКТ и ФАИ, чей героизм удивляет весь мир, дать доказательства силы и мощи воодушевляющего нас боевого антифашистского духа.

НКТ, ФАИ и АМ приняли решение произвести всеобщую мобилизацию своих членов, чтобы дать отпор интервентам.

Пусть каждый синдикат, каждая анархическая группа и группировка, каждый Клуб (Атенэо) и каждая секция Анархической Молодежи превратится в мобилизационный пункт.

Всем организациям будут разосланы мобилизационные карточки для производства учета и использования всех членов соотвественно их техническим познаниям и физического состояния.

Мобилизационные пункты должны снабдить мобилизуемых бельем, санитарным материалом и оружием.

Добровольцы являются на сборный пункт с одеялом, котелком и ложкой.

Необходимо мобилизовать все перевозочные средства. Все жизненные силы испанского народа должны быть употреблены лишь на нужды обороны. Все работы, не необходимые для военных надобностей, должны быть приостановлены.

Все, кто по возрасту или физическому состоянию не годится для активной борьбы, будут направлены во вспомогательные формации или на стройку укреплений.

Должен быть произведен сбор лопат, кирок и других строительных инструментов.

Все сведения о добровольцах, с копиями мобилизационной карточки каждого, должны быть сообщены в Национальную Мобилизационную Комиссию.

Сфера действий каждой Мобилизационной Комиссии будет определена по соглашению с соответствующими местными, уездными и районными органами НКТ, ФАИ и АМ.

Не следует упускать из виду, что военная обстановка вынуждает нас принять военную дисциплину.

Ни одна из Мобилизационных Комисий не работает на личную ответственность, а лишь по указаниям Национальной Комиссии.

Просим всех товарищей вложить в это дело максимум энтузиазма, дисциплины, интенсивности и героизма.

За работу!!!

За победу над фашизмом!!!

Национальная Комиссия по Добровольной Мобилизации НКТ, ФАИ и АМ.

**
*

Тов. Жерминаль Суза, главный секретарь Полуостровного Комитета ФАИ пошел на фронт добровольцем.

УБИТ ЕНЧЕВ.

Защищая Фуэндотодос, пал, 9-го марта, смертью храбрых лейтенант Испанской Народной Армии Никола Енчев, хорошо известный славянским анархическим кругам. Еще в Болгарии Енчев проявил себя как боевик-борец за свои идеалы.

Он прибыл в Испанию в первые дни движения, и вступил в ряды героических милиций НКТ и ФАИ.

О СОБЫТИЯХ НА АРАГОНСКОМ ФРОНТЕ.

Внезапный прорыв Арагонского фронта является тягчайшим ударом не только для антифашистов Испании, но и для трудящихся антифашистов всего света.

Причины прорыва фронта можно свести к двум категорям: чисто военные и политико-социальные.

Первой причиной военного характера было подавляющее превосходство вражеского вооружения и снабжения. Господствуя в воздухе, им производились бомбежки крайне небольшого участка 150—200 аппаратами сразу. Такие налеты стирали в порошок все.

Также оснащение частей врага танками и артиллерией во много раз превышало наше.

По преступной халатности правительства не было обращено достаточно внимания на постройку укреплений и убежищ.

Затем следует обратить внимание на то обстоятельство, что высшее командование показало себя совершенно неспособным, если не хуже, выполнять порученное ему дело и, по меньшей мере, требуется снять ряд командиров и членов Генштаба Восточного фронта, зарекомендовавших себя преступной небрежностью.

Когда Комдив 24-й дивизии, наш товарищ Йолди, поставил в известность Генштаб Восточного Фронта о мерах, принятых фашистами, дабы повести наступление, то командование не удосужилось принять необходимые меры. Когда, опираясь на превосходные силы авиации, при поддержке танков и артиллерии, началось наступление фашистов, то штаб XII. Армейского корпуса был вынужден дать приказ об отступлении.

При взятии Теруэля штаб не допустил динамитеров 25-й дивизии энергично и немедленно ликвидировать гнезда фашистского сопротивления, а повел их осаду, что позволило врагу перегруппировать свои силы и в дальнейшем перейти в контрнаступление.

Часто у бойцов создавалось впечатление, что верхи их предают, что, конечно, не способствовало укреплению боевого духа частей.

Чтобы ясно дать себе отчет в переживаемой

нами трагедии, необходимо пролить свет на вредность „военной политики" правящих кругов.

Явление называемое нами „провелитизмом", т. е. вмешательство партийных органов в вопросы ведения войны, было одной из основных причин дезорганизации армии. В этой разрушительной деятельности особенно отличились коммунисты, сумевшие захватить в свои руки руководство Военным Комиссариатом (Политуправлением). Благодаря безусловной поддержке Верховного Комиссара, Алварес дель Вайо, они протаскивали на все командные посты лиц из старых военных, не внушавших ни малейшего доверия, готовых слепо выполнять указы партийных комитетов. Ряд таких ставленников Компартии перебежали к фашистам и передали им весьма важные военные сведения.

С цеью создать рекламу командирам из Компартии, было организовано наступление на Брунет, под Мадридом, едва не закончившееся плачевно, если бы не вмешательство 14-й (Конфедеральной) Дивизии под командой Сиприано Мера.

О порядках, создавшихся в Комиссариате, можно судить по следующему случаю. Вице-секретарь Совета Обороны Каталонии, до его ликвидации, был член НКТ Хуан Молино (Хуанель), получивший назначение Комиссаром X. армейского корпуса. Он раскрыл и ликвидировал крупную шпионскую организацию, в которой были замешаны и некоторые офицеры. В благодарность за успешное исполнение порученного дела, Хуанель был перемещен на пост Комиссара XI. корпуса, занимавшего второстепенный участок фронта.

Общая линия поведения правительства Республики с мая прошлого года заключалась в систематическом преследовании левого крыла антифашизма (НКТ, ФАИ, ПОУМ) и систематического сведения на нет завоеваний революции, особенно в борьбе с колективами, в частности с сельскими.

Муниципальные Советы Арагонии распускались с единственной целью исключить из их состава НКТ и заменялись правительственными комиссиями.

Правительство всеми способами старалось вызвать на выступление организации НКТ и ФАИ, а также и конфедеральные части на фронте, дабы ликвидировать этот сектор.

Следует указать еще на одну причину деморализации, которая вытекала из политики правительства в области снабжения населения. Чиня препоны колективам в деле поставки продуктов и насаждая привилегии в форме неравенства зарплаты трудящихся и жалования чиновникам и по-бюрократически организовав распределение, госорганы вызвали ряд злоупотреблений и не раз принуждены были выбрасывать на свалку испортившиеся продукты.

Когда враг вторгнулся в Каталонию, правительство обратилось ко всем антифашистским организациям с призывом сотрудничать.

При условии проведения политики действительного единства и при возможности противопоставить силам врага равно вооруженные силы, мы будем в состоянии поднять дух борьбы и дать отпор врагу. Анархическое движение в целом твердо решило довести борьбу до конца в тесном сотрудничестве с остальными секторами антифашизма, несмотря на горький опыт и полное отсутствие честности и искренности у некоторых из наших теперешних союзников по совместной борьбе.

ГЕНЕРАЛ ПОЗА В ТЮРЬМЕ

Когда, во время майских событий 1937 г. в Барселоне, генерал Поза был назначен главнокомандующим Арагонским фронтом, то пресса коммунистов и „народного фронта" восхваляла его как спасителя Каталонии, называя его человеком часа, который спас область от анархического террора и дезорганизации; человек, который поставил „безконтрольных" на надлежащее место и т. д. Анархисты были совершенно противоположного мнения об этом человеке. Теперь генерал Поза находится в Монтжуихской тюрьме, где он должен будет дать отчет о своем предательском поведении. Трудно поверить, но это факт: генерал Поза, во время общего фашистского наступления на Арагонском фронте, спокойно проживал, наслаждаясь роскошью, в имении своего богатого друга, расположенное в 40 милях от фронта.

Отчет Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дело Труда" № 101, МАРТ—МАЙ 1938

ПРИХОД:

За проданные Журналы поступило от групп и отдельных товарищей: Д. Собко — 2.50; М. Цурупа — 4.50; Талан, Виндзор — 1.30; Группа Нью Иорка — 5.00; Дубатовка, Акрон — 4.00; Коваленко, Детроит — 5.00; Слоткин, Чикаго, (подписка) — 1.00. **Всего: 23.30.**

В Фонд „Дела Труда" поступило от групп и отдельных товарищей: Балаш — 5.00; Три Шахтера, Фраквил — 12.00; И. Старцев, Акрон — 5.00; Прогрессивное Землячество, Фила. — 5.55; М. Крикалов — 1.00; Юнгстаун, группа — 10.00; 42-ой Отдел РООВА, Акрон, от розыгрыша картины — 14.75; Нью Иорк, группа — 5.00; Мас., Детроит — 1.00; 16-й Отдел РООВА, Нью Иорк — 5.00. Всего **64.30.**

На помощь Политзаключеным и Ссыльным Анархистам в СССР: 16-й Отдел РООВА, Нью Иорк — 5.00. **Всего: 5.00.**

Общий приход: 92.60; Оставалось в кассе: 35.35; Всего в кассе: 127.95.

РАСХОД:

Типография — 93.80; Экспедиция журнала—8.52; Политзаключенным — 5.00. **Всего: 107.32.**

Всего в кассе: 127.95; Общий расход — 107.32; Остается в кассе: 20.68.

Акрон, Июнь 16. — Уважаемые тов., посылаю вам денежный перевод на 4 дол. Эти деньги выручены от продажи журнала „Дело Труда": №№ 100 и 101. С тов. приветом **Ф. Дубатовка.**

Нью Йорк, Июнь 22. — Уважаемые товарищи, посылаю чек на 10 дол. Распределите их так: 5 дол на „Дело Труда" и 5 дол. политзаключенным в СССР. Одновременно с этим нами передано 5 дол. Юнайтед Либертериан Организейшон для рабочих Испании, борющихся против мировой гидры фашизма.

Все эти деньги ассигнованы 16-м Отделом РООВА.

С товарищеским приветом **И. Самусин.**

Исторический Отдел

(Материалы по истории русского анархического движения в Соед. Шт. и Канаде)

В сотом номере „Дела Труда", посвященном 25-ти летию нашего движения в Соед. Штатах и Канаде, история движения не освещена даже и в десятой доле.

Не освещен период газеты „Голос Труда" и о самой газете ничего не рассказано, не рассказана история газеты „Хлеб и Воля" и журналов: „Набат", „Колокол", „Рабочая Мысль", „Правда", „Волна", „Свободное Общество" и др.

Не описана история нашего движения многих городов и районов; ДАЖЕ НЕ ОСВЕЩЕНА ИСТОРИЯ НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

„Дело Труда", начав собирать материалы, не остановится и будет продолжать начатую работу пока не исчерпаются все источники. С этой целью в журнале введен ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ, в котором печатаются воспоминания участников движения, биографии его деятелей, исторические очерки, документы и справки.

Мы призываем всех, кто имеет что-либо рассказать о прошлом нашего движения, писать для исторического отдела. Статьи будут помещаться в порядке поступления.

В следующем номере пойдут статьи товарищей: А. Луференко и И. Данилюка.

Обещали писать, и мы ждем, следующие товарищи: И. Самусин, Загайгора, Березовский, Нью Йорк; Ф. Конасевич-Буковецкий, Канада; А. Ящук, Вотербури; Д. Собко, Балтимора.

Кто еще? Не стесняйтесь, пишите! Редакция всегда готова помочь каждому. Пишите, исполните свой долг перед движением и историей!

Русское Анархическое Движение в городе Кливеланде

В конце 1911 года в г. Кливеланде впервые была создана русская прогрессивная организация. Момент создания этой организации можно считать и началом русского анархического движения в данном городе. Этой прогрессивной организацией был Рекрутский Отдел Индустриальных Рабочих Мира, организаторы которого были люди пропитанные анархическими идеями. Этот отдел просуществовал недолго: он ликвидировался благодаря дезорганизаторской работе двух-трех лиц, вступивших в отдел с намерением использовать его для личных целей.

Благодаря энергичной работе Петра Боярского, в 1912 году была создана Группа Русских Рабочих, которая ставила своей целью пропаганду анархических идей среди трудовых русских масс. Группа завязала связь с выходившей в Нью Йорке ежемесячной газетой „Голос Труда" и стала получать от нее для распространения анархические книги и брошюры. Окрепнув, Группа приступила к организации докладов, лекций и митингов.

Вначале Группа насчитывала не более 10 членов, но эти члены очень скоро создали большое русско-еврейское сочувствующее окружение. Членский состав Группы неуклонно возрастал, а с притоком новых членов расширялась и деятельность Группы.

Организация дискуссий по анархизму дала возможность многим хорошо ознакомиться с анархической теорией и закрепиться в ней. Читки и доклады с каждым разом привлекали все больше и больше слушателей, расширяли и укрепляли симпатии местной колонии к Группе. С самого начала Группа решила создать хорошую библиотеку и это решение постепенно и неуклонно проводилось в жизнь. В результате этих усилий была создана действительно довольно солидная библиотека, которой пользовался очень широкий круг читателей.

В 1912 году в Кливланде была организована и еврейская анархическая группа, с которой Группа Русских Рабочих с самого начала работала в самом тесном контакте. Этот контакт впоследствии дал возможность организовать Анархический Красный Крест г. Кливеланда и развить его деятельность, которая продолжалась вплоть до революции 1917 года.

В 1914 году Группа Русских Рабочих приняла участие в первом с'езде Союзов Русских Рабочих, состоявшемся 1—7 июня в Детроите. Это был учредительный с'езд, на котором был заложен фундамент славной Федерации Союзов Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады. Кливеландская Группа делегировала на с'езд Федора Шеффера, который был избран секретарем с'езда. 1-го Октября 1914 года Группа официально вступила в Федерацию Союзов Русских Рабочих и с этого времени стала именоваться Союзом Русских Рабочих г. Кливеланда.

После вступления в Федерацию нача-

лась усиленная деятельность и быстрый рост членского состава кливеландского Союза Русских Рабочих. Первый массовый митинг, устроенный на тему: „Что хотят анархисты?" — привлек довольно значительную часть тогда немногочисленной русской колонии: зал на Вудланд улице, что против 38-ой ул., был переполнен. На митинге выступал Аарон Барон, ведший тогда пропаганду среди русских старообрядцев в Ири, Пенсильвания. Речь Барона, простая и искренняя, очаровала слушателей. Чудный оратор, честный и преданный работник организации, он завоевал симпатии не только своих единомышленников, но и своих противников.

При Союзе существовал Драматический Кружок, который успешно ставил „На Дне" Горького, „Женитьбу" Гоголя и ряд других серьезных и сложных пьес.

Постановки имели большой успех и слава Драматического Кружка распространилась за пределы Кливеланда и Кружок устраивал спектакли в Акроне и Питтсбурге. Весь доход Драматического Кружка поступал на организационные цели Союза.

При Союзе существовало также нечто в роде школы по подготовке ораторов, докладчиков и организаторов движения. Занявшаяся этим делом группа товарищей не была подготовлена к такой деятельности, не имела достаточных знаний и первое время не знала как приступить к намеченной работе, с чего начать. Группа выработала такой план занятий: прочитывать намеченные брошюры и книги и, по очереди, выступать перед группой с изложением прочитаннаго. Группа подвергала докладчика критике и указывала ему на недостатки. Сначала дело шло скверно, но постепенно стали привыкать и дело наладилось. В этой коллективной работе вырабатывалось умение округленно выражать свои мысли, вырабатывались стиль, манеры, логичность изложения, а главное привычка выступать публично. Освоившись немного с ораторским искусством, члены группы перенесли свои занятия на улицу. Чтобы привыкнуть к выступлениям перед массой, они устраивали агитационные уличные митинги и выступали на них. Эта коллективная школа дала блестящие результаты и принесла большую пользу Союзу: Союз всегда имел в своей среде несколько человек способных к выступлению на массовых митингах и даже прочитать ряд сносных докладов. Это позволило кливеландскому Союзу расширить пределы пропаганды: Союз часто обслуживал ораторами и докладчиками Бетфорд, Акрон, Юнгстаун, Питтсбург и другие города Пенсильвании и Огайо штатов.

В 1915 году, если не ошибаюсь, в Балтиморе состоялся второй с'езд Федерации Союзов Русских Рабочих, на который кливеландский Союз делегировал Ивана Иванова (Ященко). В этом году в Союзе насчитывалось около 40 членов, имелся собственный клуб и библиотека, а также значительное количество литературы для распространения. Из газет, выходивших в Соединенных Штатах, Союз распространял „Голос Труда", „Великий Океан" (издавался Щербаком в Сан-Франциско), „Восточную Зарю", которая выходила в Питтсбурге, и газету Индустриальных Рабочих Мира „Рабочая Речь".

В конце 1915 и в начале 1916 годов Союз устроил ряд лекций, читавшиеся товарищем Мухиным. Лекции прошли с большим успехом.

В конце лета 1916 г. в Кливеланде состоялся третий с'езд Федерации Союзов Русских Рабочих, на котором кливеландский Союз был представлен Петром Боярским и Николаем Белковским. На этом с'езде обсуждался вопрос о разногласиях между Питтсбургским Союзом и редакцией „Голоса Труда". Эти разногласия возникли из за отказа редакции „Голоса Труда" напечатать статьи, критиковавшие действия некоторых ее членов. Редакция мотивировала свой отказ тем, что статьи носили личный характер. С'езду не удалось достигнуть примирения. Большинство делегатов С'езда стало на сторону редакционной коллегии и вынесло порицание некоторым членам Питтсбургского Союза, последние, поддержанные своим союзом, начали издавать газету меньшинства—„Восточную Зарю". Этот прискорбный инцидент нисколько не ослабил Федерацию С. Р. Р., ибо огромное большинство союзов считало, что разногласие не носит принципиального характера, поэтому федеративная связь союзов продолжала оставаться крепкой, как и раньше.

В 1916 году Союз пригласил Михаила Райву, который прочитал в Кливеланде две лекции, и В. Волина, который прочитал целый цикл лекций, закончившийся в начале 1917 года. Лекции прошли с большим успехом и оставили после себя долгую память.

В дни руской революции (март 1917 г.) кливеландский Союз достиг высшей точки своего развития и являлся самой большой русской организацией в городе. Он вошел в Комитет по Отправке на Родину Политических Эмигрантов, а затем в Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, где вел работу совместно с социалистами. Но очень скоро Союз, вместе с еврейской анархической группой, порвал всякую связь с социалистами из за их настойчивого требования признания Советского Правительства.

Летом 1917 года около 20 членов Союза уехали в Россию. Предполагался от-

езд всего Союза, но Временое Правительство закрыло границы и рвавшиеся домой русские эмигранты вынуждены были остаться в Америке.

Несмотря на от'езд в Россию многих активных членов Союза, последний продолжал свою деятельность и его состав быстро пополнялся новыми членами. 1918 год застал Союз таким же бодрым и активным, каким он был в начале 1917 года. Членский состав к этому времени значительно увеличился, но уже чувствовался недостаток в интеллигентных работниках и Федерация не имела своей газеты, так как „Голос Труда" со всем своим штатом уехал в Россию, и „Восточная Заря" прекратила свое существование по тем же причинам; Союзы западных штатов пользовались раньше газетой Щербака — „Великий Океан", — теперь и ее не стало. В Нью Йорке пробовали издавать „Набат", потом „Колокол", но они скоро были закрыты властями.

Многие думают, что в период отсутствия федеративного органа союзы начали разлагаться, — это не верно. В Детройте, например, в 1917 году было три союза, а к концу 1918 года их было там шесть. Членский состав союзов, что можно видеть по отчетам с мест, нигде не уменьшился, наоборот, он возрастал.

В феврале 1918 года в Нью Йорке состоялся первый Общеколониальный Русский С'езд. Кливеландский Союз принял в нем участие и делегировал на него тов. С. Мурашко. Там же и в это же время состоялась и конференция Федерации Союзов Русских Рабочих.

С конца 1917 года начались гонения американских властей на членов Федерации С. Р. Р., к концу 1919 года, как думали власти, союзы были ликвидированы, на самом же деле, несмотря на страшные преследования и массовые аресты, сопровождавшиеся диким произволом, союзы продолжали существовать. В 1920 году снова были произведены аресты, но союзы все-таки продолжали существовать. Просматривая отчеты „Волны", мы можем проследить их существование вплоть до 1926 года.

Я коротко и сжато рассказал о деятельности кливеландского Союза только до 1919 года, потому что в этом году я оставил Кливеланд. Надеюсь, другие товарищи осветят деятельность кливеландского Союза в последующие годы. Я также надеюсь, что товарищи исправят возможные неточности моей статьи и пополнят ее проблемы. В следующей статье я постараюсь дать краткие биографии некоторых работников кливеландского Союза.

С. Мурашко.

„ВОСТОЧНАЯ ЗАРЯ"

Последние годы перед войной русская молодежь валом валила в Америку. Центром ее оседлости был высоко-индустриальный город Питтсбург и его окрестности. Из Питтсбурга русская эмиграция рассасывалась по промышленным городкам этого района и по шахтам.

Шахтеры обычно приезжали в Питтсбург дважды в месяц. Порядочные папаши, чтобы положить свои сбережения в банк и помыться в русской бане, а беззаботная молодежь — попьянствовать, поиграть в карты или на биллиарде. Так протекала жизнь русских рабочих.

Но вот в августе месяце 1915 года в одном из густо населенных районов Питтсбурга (29-я и Смолман ул.), заводские рабочие, идя со своими гостями шахтерами в кабак, увидели на окне бывшей бакалейной лавки надпись: **Союз Русских Рабочих.** Этот момент был поворотным пунктом в истории русской колонии Питтсбурга и его окрестностей: появилась революционная и культурная рабочая организация, которая быстро разрослась и перешла потом на Пенн эвеню и 28-я ул.

Группа, снявшая помещение на Смолман ул., состояла всего навсего из 8-ми человек. Среди этих восьми было три интеллигента: Нейман, Эрмонд и П. Кончин. Нейман — латыш, по профессии механик, хорошо владел четырьмя языками: латышским, русским, немецким и английским. Эрмонд прекрасно знал русский и французский языки. Кончиц, выехал из Могилевской губернии, окончил в России высшее двухклассное училище и здал экзамен на учителя земской школы. Эти лица организовали при Союзе библиотеку из специально подобранных книг, по которым давались доклады. Доклады делались на самые разнообразные темы, но цель докладов постоянно была одна и таже: революционная и антирелигиозная пропаганда и к ней сводился всякий доклад. Если доклад был по астрономии, то вовсе не потому, что интересовались звездами, а потому что хотели показать слушателям, что неба нет и богу негде жить. Философские книги Л. Н. Толстого лидерами Союза не допускались, они говорили о нем: „хотя он и великий писатель, но сумасшедший старик".

В члены Союза никого не приглашали записываться, членских книжек не было и членских взносов не платили. Расходы по Союзу покрывались добровольными пожертвованиями: каждый вносил сколько

мог, а кто ничего не вносил того не упрекали и пальцем на него не указывали. Председатель и секретарь избирались только на одно собрание. Если секретарь собрания был малограмотным, то его протокол исправлялся и он записывал его в протокольную книгу, которая хранилась в союзном помещении. Доклады давали почти все члены Союза, которые умели читать. Выступали довольно смело, каждый считал, что достаточно прочитать книгу, чтобы выступить с докладом, и был уверен, что товарищи не позволят ему сбиться с темы. И конечно, каждый докладчик воображал, что он способный малый.

Год спустя Союз сильно разросся: в нем уже насчитывалось около 300 членов и инициативная группа сумела подготовить около 20 человек способных агитаторов. Представьте удивление русской питтсбургской колонии, когда в один прекрасный день вождь картежников и завсегдатай кабаков, Мартын Лапицкий, давал доклад по истории религий; Лапицкий говорил целый час и 45 минут и не сбился с темы... Русская колония перерождалась и была неузнаваема. Помещение Союза уже было тесным даже для будней, поэтому в праздничные дни даже для мало-мальски способного докладчика снимали театр. Снимали театр, а не зал потому, что его было легче и дешевле достать благодаря существованию, так называемого, „блю Лоу" (голубой закон), по которому в праздничные дни театры и кабаки должны быть закрыты.

Когда в город приезжали шахтеры, то они уже, многие из них, возвращались в шахты не с больной головой, как раньше, а с кипами газеты „Голоса Труда" и с пачками брошюр, которые распродавались на шахтах.

Работа Союза шла гладко до тех пор, пока „Голос Труда" не стал чисто анархосиндикалистским органом. Анархосиндикалистское направление газеты вызвало в старой группе Союза Русских Рабочих, помещавшейся на Форбес ул., раскол. Зонов тоже был против такого направления газеты, но не хотел раскола. Вопрос очень часто дебатировался на массовых собраниях Союза.

В конце концов, от старой группы откололось некоторое число членов, которые оформились в новую группу; Зонов, хотя и был против основной линии газеты, однако, остался в старой группе и продолжал состоять ее членом до самой революции. Новая группа была стопроцентной анархо-коммунистической группой. В старой группе, кроме Зонова, были и другие противники синдикализма, но они считали необходимым работать сообща и считали раскол нездоровым явлением.

В сентябре 1916 года новая анархо-коммунистическая группа уже в два раза превосходила старую по числу членов; она уже имела печатный станок для печатания листовок. В это время произошло столкновение с редакцией „Голоса Труда" из-за отказа поместить в газете статью Эрмонда. Одновременно с этим на питтсбургском горизонте появился Двигомиров, который сыграл значительную роль в дальнейшем расхождении с „Голосом Труда", приведшем к изданию в Питтсбурге „Восточной Зари".

Двигомиров, выходец из Черниговской губернии, окончил Новозыбковское реальное училище, принимал участие в революции 1905 года, был сослан в Сибирь, откуда в 1907 году бежал в Америку и нашел себе пристанище в редакции газеты „Великий Океан", издававшейся в Сан-Франциско Щербаком. Двигомиров работал при газете в качестве наборщика и часто помещал в ней свои статьи. В анархизме он ничего не смыслил. Но вот судьба столкнула его с Дебурсом (Осокиным) анархистом пропагандистом; Двигомиров подпал под его влияние и стал анархистом.

Когда Двигомиров написал анархическую статью и хотел поместить ее в „Великом Океане", то Щербак наотрез отказал ему в этом. Недолго думая, Двигомиров оставил Щербака и пешком пошел по следам Дебурса. Надо сказать, что он был великий бродяга. Он был малотребовательный: если есть какая либо крыша над головой, то не зовите его к себе на ночлег — все равно не пойдет; в постели он не нуждался; его любимым лакомством была селедка и гречневая каша; спиртных напитков он не пил и табак не курил.

Итак, Двигомиров оставил Щербака и пешком пошел из Сан-Франциско на восток. По пути он останавливался во всех городах, в которых имелись Союзы Русских Рабочих, и агитировал против всех существовавших в Америке русских газет.

В сентябре 1916 года он добрался до Питтсбурга и пришел сюда как раз в тот момент, когда группа не знала как наказать „Голос Труда" за отказ в помещении статьи Эрмонда. Двигомиров нашел выход. Четыре вечера он громил русскую прессу Америки; начал с „Русского Голоса" и „Великого Океана" и кончил „Голосом Труда". Двигомиров сделал вывод, что если Союз не издаст чисто анархического органа, то все движение превратится в нуль. Сейчас говорил он, подходящий момент для издания такой газеты, ибо еще каждый член союза помнит „Голос Труда" как орган, принадлежавший всем свободомыслящим элементам, из которых состояли Союзы Русских Рабочих, а не одному течению, возглавляемому редакционной коллегией. Кроме того, говорил

Двигомиров, во всех группах, в которых я бывал, имеются недовольные „Голосом Труда".

После доклада Дигомирова, недолго думая, было созвано деловое собрание наиболее передовых членов и это собрание постановило приступить к изданию анархо-коммунистического органа под названием „Восточная Заря". Редактором газеты был избран Двигомиров, но фактически газету редактировал Эрмонд. Был куплен шрифт, сами набирали и 5-го ноября 1916 года вышел первый номер „Восточной Зари". Передовая статья, написанная Двигомировым, вызвала бурю в редакции „Голоса Труда". В Питтсбург немедленно был командирован Смирнов. Спор с ним шел в течении целой недели, дело чуть-чуть не дошло до драки, ибо споры часто соскальзывали на личную почву. Даже Двигомиров не удержался и сказал Смирнову: от тебя несет, как от винной бочки. Смирнов уехал ничего не добившись. Вскоре после Смирнова приехал Волин, который своими лекциями поколебал фундамент „Восточной Зари", т. е. имел влияние на рядовых членов; одновременно с этим из Кливеланда в Питтсбург приехал П. Бройда, который заявил, что все кливеландские товарищи против питтсбургской политики. Вследствии этого, несмотря на то, что второй номер „Восточной Зари" был уже почти весь набран, с его выпуском не спешили. Номер вышел с большим опозданием. После второго номера долго не приступали к изданию третьего, но вот в редакцию стали поступать корреспонденции, приветы, деньги за проданные номера газеты, прислал большую статью А. А. Карелин, проживавший в то время в Париже. „Хлопцы" ободрились и приступили к составлению третьего номера газеты, но ему не суждено было появиться в свет: в России произошла революция и Двигомиров с Зоновым заявили, что теперь не время разбираться в деталях, а нужно всем об'единиться и вести борьбу сообща. „Восточная Заря" была приостановлена.

Когда стало известно, что Временное Правительство ассигновало деньги на покрытие расходов по возвращению политических эмигрантов в Россию, то Питтсбургский Комитет Союзов Русских Рабочих отправил делегацию к русскому консулу Чиркову с требованием передать дело отправки в Россию политических эмигрантов в его руки, как подлинному представителю русской колонии Питтсбурга и его окрестностей. Чирков вежливо отклонил требование Комитета, заявив, что он еще не выяснил кто собственно представляет русскую колонию, ибо, как он слыхал, кроме Союзов существует еще какое-то Народное Вече.

Действительно, в Питтсбурге существовало Народное Вече, составившееся из мало кому известных нескольких интеллигентов и попов. Это Народное Вече выпустило листовки, извещавшие о массовом митинге, на котором будет выступать редактор нью-иорского „Русского Голоса" И. Окунцов.

Комитет Союза Русских Рабочих понимал, что если ничего не будет предпринято с его стороны, то контроль по отправке политических эмигрантов на родину попадет в руки Народного Веча. Было решено, чтобы каждый член Союза присутствовал на митинге Народного Веча. Митинг состоялся в громадном зале, имевшем 3,000 мест, и этот зал был набит битком. Первым выступал бывший священник Авралов; его выслушали, хотя он ничего путного не говорил, а только исповедывался перед публикой и об'яснял, что он больше уже не поп. За ним выступил Окунцов. При его появлении поднялся шум и крик. Для предосторожности устроители митинга имели наряд полиции, но полиции не пришлось вмешиваться — положение спас Двигомиров. Он взошел на трибуну и все стихли. В нескольких словах Двигомиров раз'яснил из каких людей состоит Вече и предложил разойтись и митинг разошелся.

На другой день питтсбургские газеты расхваливали Двигомирова. На следующий день после митинга Комитет опять послал делегацию к консулу. На этот раз консул согласился передать контроль по отправке на родину Комитету Союзов Р. Р. Консул снял для Комитета помещение на 5-ой эвеню и установил телефон. После этого было созвано деловое собрание Союза для обсуждения вопроса о судьбе имущества Союза.

Двигомиров предложил ликвидировать все имущество Союза, ибо, говорил он, теперь революционер не может оставаться здесь, он должен быть там, где революция. Его предложение было принято. Шрифт, печатный станок с мотором были проданы, а книги разделены между членами. Нейман, Эрмонд, Кончиц и Двигомиров уехали в Россию с первой партией; Зонов остался в Комитете и подзуживал других ехать как можно скорее, а то, говорил он, когда я уеду, контроль перейдет к чуждым элементам и вы останетесь здесь. Однако отправка скоро была приостановлена и сам Зонов принужден был остаться и жить в Америке, пока его не выслало американское правительство на Бофорте.

Такова в общих чертах история „Восточной Зари".

А. Громыко.

Материалы к изучению русского анархического движения в С. Ш. и Канаде

(Продолжение)

V.
С'ЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ.

1.
С'ЕЗДЫ СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ.

1-ый С'езд состоялся 1—7 июля 1914 г. в Детройте, Мич. На с'езде присутствовало 14 делегатов от 22 организаций с членским составом в 486 человек.

2-ой с'езд состоялся в Балтиморе 1915 г.

3-ий с'езд состоялся в 1916 г. в гор. Кливеланде, Огайо.

4-ый с'езд состоялся в январе 1918 года, в Нью-Иорке. Количество делегатов с'езда и численность федерации нами не установлены. К федерации в это время принадлежало 14 союзов.

Экстренный с'зд (совещание) состоялся 5 февраля 1918 г. в Нью Иорке. Количество делегатов с'езда и численность федерации нами не установлены. Федерация в это время состояла из 19 союзов, из коих 12 были представлены на с'езде; кроме того, на с'езде присутствовали делегаты 10 дружественных организаций.

5-ый с'зд состоялся в январе 1919 г. в Нью Ирке

Районная Конференция состоялась 19 июля 1919 .г в Нью Иорке. Конференция выработала порядок дня 6-го с'езда, который, благодаря палмеровским погромам, не состоялся.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Советы Рабочих Депутатов существовали в следующих городах Соединенных Штатов: Нью Иорк, Бетлегем, Филадельфия, Балтимора, Питтсбург, Кливеланд, Детройт, Бриджпорт, Сан-Франциско.

2.
ОБЩЕКОЛОНИАЛЬНЫЕ С'ЕЗДЫ.

1-ый Общеколониальный с'езд состоялся 1—4 февраля 1918 г. в Нью Иорке.

2-ой Общеколониальный С'езд состоялся 6—9 января 1919 г. в Нью Иорке.

3-ий Общеколониальный С'езд состоялся 6—9 марта 1921 г. в Нью Иорке. На С'езде было представлено около 10,000 организованных руских рабочих. С'езд признал газету „Американские Известия" своим официальным органом.

Конференция организаций, примыкавших к „Американским Известиям", состоялась 15-го октября 1922 года.

Вторая Конференция организаций, примыкавших к „Американским Известиям", состоялась в октябре 1924 г. в Нью Иорке.

Конференция организаций, примыкающих к газете „Рассвет" состоялась 15 марта 1925 г. в Нью Иорке.

Конференция организаций, примыкающих к газете „Рассвет", состоялась 15 июня 1925 г. в Нью Иорке.

Конференция организаций, примыкающих к газете „Рассвет", состоялась 15 октября 1925 г. в Нью Иорке.

Конференция организаций, примыкающих к газете „Рассвет", состоялась 30 мая 1926 г. в Нью Иорке. Конференция была посвящена вопросу о наборных машинах.

Общеколониальный С'езд (шестой) состоялся 9 октября 1926 г. в Филадельфии. На этом с'езде организации, примыкавшие к газете „Рассвет", т. н. Прогрессивные общества, об'единились с обществами взаимопомощи, образовав в последствии РООВ

Конференция организаций, приобревших наборные машины, состоялась 13 февраля 1927 г. в Нью Иорке по вопросу о судьбе наборных машин.

3.
С'ЕЗДЫ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП. (Федерация „Волны")

Первый С'езд состоялся 17—18 апреля 1920 г С'езд происходил нелегально. На с'езде присутствовало 7 делегатов, представлявших детроитский (7 групп), питтсбургский (3 группы), кливеландский (13 групп), чикагский (одна группа), вискансинский район (одна группа) и Канаду (2 группы).

Второй С'езд состоялся 15—16 августа 1920 г. в Детройте.

Третий С'езд состоялся в марте 1921 года. С'езд происходит нелегально. На с'езде присутствовало 18 делегатов: 10 дел. от 17 групп, 7 дел. от районов и один от редакционной коллегии. В Федерации в это время насчитывалось около 51 группы. С'езд продолжался 4 дня.

Конференция районов: Нью Иорка, Филадельфии, штата Коннектикут и окрестностей состоялась 26 июля 1921 года, вероятно, в Нью Иорке. На конференции были представлены 13 групп. Конференция постановила выпустить „Манифест Анархистов-Коммунистов" на русском и английском языках в количестве 10,000 экземпляров. Манифест был выпущен в 1922 г. от имени Федерации Анархо-Коммунистических Групп С. Ш. и Канады, Английских Анархо-Коммунистических Групп С. Ш. и Канады и Украинскх Анархо-Коммунистических Групп С. Ш. и Канады.

Четвертый С'езд состоялся 24 ноября 1921 года. В Федерацию входило 60 групп в Соединенных Штатах, каждая численностью в 8—10 человек, и 15 групп Канады, каждая численностью 5—8 человек.

Пятый С'езд состоялся, вероятно, в мае 1923 г. (См. резолюции с'езда в № 42 „Волны", за июнь 1923 г.). На с'езде присутствовало 9 делегатов от групп и один от редакционной коллегии, представлявших 29 групп. На этом с'езде было решено работать вместе с „Американскими Известиями". Это последний с'езд Федерации. Согласно отчетам групп, участвовавшим на с'езде, „Волна" распространялась ими в количестве 650—800 экземпляров.

Всякая диктатура—деспотизм: боритесь против фашизма, разоблачайте большевистскую диктатуру и боритесь против нее.

4.

КОНФЕРЕНЦИИ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

(Федерация „Дела Труда")

Учредительная Конференция состоялась 25 декабря 1925 г. На конференции были представлены 6 групп. Эта конференция положила основание существующей ныне Федерации Русских Анархо-Коммунистических Групп Соединенных Штатов и Канады, известной ныне как федерации „Дело Труда". Первоначальное название федерации было: „Федерация Анархистов Северной Америки".

Конференция федерации 1—2 января 1927 г. На конференции приняли участие 8 групп. Резолюции напечатаны отдельной листовкой.

Конференция Федерации 30 ноября 1927 г. См. „Дело Труда" № 32 за январь 1928 г. Районная конференция Огайского Района состоялась 8 апреля 1928 г. Резолюции напечатаны в „Дело Труда", № 37—38, иннь-июль 1928 г.

Конференция Федерации 9—10 апреля 1929 г. Резолюции напечатаны в „Дело Труда" № 46—47, март-апрель 1929 г. На конференции были делегаты от 7 городов, от 7 были получены письменные решения.

(Продолжение следует).

ПОПРАВКА К МАТЕРИАЛАМ О „ВОЛНЕ"

Уважаемые товарищи, прошу вас, в интересах исторической истины, восстановить следующее:

В № 101 „Дела Труда", в заметке тов. Ф. Дана о журнале „Волна", между прочим, сказано, что журнал редактировался мною от 7-го по 12 или 13-й номер. В действительности же я редактировал „Волну", **начиная с № 12-го по № 18-й включительно.**

С товарищеским приветом

Л. Лазарев (Л. Липоткин).

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

ВЫНУЖДЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

В „Американских Известиях", от 3-го июня, помещен слишком претенциозный и несоответствующий действительности „Протокол Конференции Прогрессивных Организаций и Групп „Дела Труда" и „Пробуждения" Шт. Коннектикут, состоявшейся в г. Гартфорде 15-го мая с. г.'. В „Протоколе" прежде всего указано, что „присутствовало 10 делегатов". Дальше перечисляются организации, группы и имена присутствовавших на конференции товарищей.

В виду того, что инициаторы созыва данной Конференции действовали в силу своего желания довести до конца об'единение делотрудовцев с пробужденцами, то, само собою разумеется, никакие организации неимеющие ничего общего с анархическим движением не были представлены на Конференции, а были лишь представители от двух нью-иоркских групп: „Дело Труда" и „Пробуждение". Когда давались отчеты с мест, то говорилось о деятельности групп, а не отделов или организаций. Доказательством этому является тот факт, что Родек, давая отчет, ни слова не сказал, что он представляет 62 Отдел РООВА, а лишь отметил: „...что в последнее время группа „Пробуждение" г. Нью Бритона активного участия в работе не принимала". Зурич тоже не представлял 54 Отдела, ничего о нем не говорил, а лишь подчеркнул: „...что в 54 Отделе группы нет и товарищи действуют индивидуально, поддерживая „А. И." Значит два отдела РООВА произвольно втиснуты в протокол. Таким же порядком и группа „Пробуждение' г. Нью Бритон попала в „Протокол", ибо, по заявлению Родека, она „активного участия в работе не принимала". А это значит, что группа не существовала и не существует и что Родек представлял на Конференции самого себя. Что касается двух других товарищей из Нью Бритона (Новик и Браун), то они тоже были на Конференции как отдельные лица, заинтересованные в анархическом движении. Тов. Кривошей сам заявил, что „попал на Конференцию случайно, будучи в Гартфорде по своим личным делам". Тов. Буркевич присутствовал в качестве гостя, о сем было заявлено мною и подтверждено самим Буркевичем. Итак, на Конференции было только два делегата от двух нью-иоркских групп, Данилюк и Музыка, остальные 8 участников Конференции никого не представляли и присутствовали на конференции просто как заинтересованные в той или иной мере анархической деятельностью.

Возникает вопрос: зачем составителям „Протокола" понадобилось подтасовать факты? На этот вопрос дает ответ сам „Протокол", в котором указано: „По поводу 'А. И." Конференция вынесла единогласное решение: поддержать рабочую газету „А. И." как морально, так и материально (за исключением Данилюка, делотрудовца)". Обратите внимание на эту соломонову мудрость составителей „Протокола". Сказано: „вынесено единогласное решение" и тут же добавляется: „за исключением Данилюка, делотрудовца'. Значит, „единогласного решения" не было раз был один против и было бы лучше сказать: большинством голосов. Но это не все. Составители „протокола" стараются показать, что на Конференции был только один делотрудовец, а остальные 9 участников горячие сторонники „А. И." и приспешники Рубежанина. Мы считаем нужным отметить, что ни Буркевич, ни Кривошей, которые являются членами Федерации „ДТ', ни Зурич, посторонний движению человек, и все другие товарищи, за исключением Музыки, Педасюка и Родека, ни в какой мере не проявляли на Конференции любви к Рубежанину и к его кормилице газетке „А. И." Дело было проще: Педасюк внес предложение вынести решение о поддержке „А. И." Музыка поддержал предложение, Данилюк запротестовал, Родек в ответ на протест Данилюка заявил: „нас большинство", Зурич, как председатель, занес предложение в „Протокол". Три сторонника колониальной газетки против одного делотрудовца Данилюка вот вам и единогласное решение.

Но шутить с такого сорта людьми мы не на-

мерены. Мы напомним им, что с тех пор, как начались переговоры по об'единению делотрудовцев с пробужденцами, было созвано три общих Конференции и на каждой из них Федерация „Дело Труда" была представлена большинством делегатов и письменными решениями с мест. И тем не менее никому из делотрудовцев не пришла в голову мысль вносить предложение о поддержке журнала „Дело Труда". Ведь ясно, что принятие такого решения на общей Конференции в угоду одной стороне было бы попранием элементарных прав меньшинства большинством. Но Рубежанинские приятели не были в состоянии понять эту простую истину и полезли напролом.

Впрочем, мы не собираемся бросать в них камнями, ибо мы сознаем, что имеем дело с простыми добродушными парнями, запутавшимися в тенетах рассветовщины. **И. Данилюк.**

Сантафэ, Аргентина. 14-го марта. — Дорогие товарищи, анархо-коммунисты, очень вам благодарен за присланные номера журнала „Дело Труда". Не только я сам прочитал их все, но читал их, начиная с № 95, партийным и безпартийным русским, украинским и польским эмигрантам. В чтении журнала я нашел утешение для своей души. Даже многие коммунисты и те говорили, что здесь правда.

Я долгое время нахожуть без работы, надеюсь достать временную работу по уборке кукурузы. Как только заработаю пару сентов, немедленно вышлю деньги за полученные журналы. А пока прошу вас, товарищи, продолжать посылку журнала: хочу знать все, что в вашем журнале пишется про русских рабочих и рабочих других стран, как освободиться от капиталистического ярма, под которым пролетариат стонет столько веков, и каким путем мы, рабочие, которые все создают и ничего не имеют, можем добиться своих прав, добиться права на кусок хлеба и на крышу для себя и своих детей.

Читаю ваш журнал, маленький, по сравнению с буржуазными журналами, но сколько правды, пролетарской правды в написанных товарищами статьях! Как же не поддержать свой рабочий орган, своего защитника! Жаль, что „Дело Труда" не выходит ежемесячно. Но это зависит от нас самих, от нас, рабочих. Мы, рабочие, должны сами оплачивать свою прессу: с миру по нитке — голому рубашка. Еслибы каждый рабочий откладывал маленькую сумму для рабочей печати, то нам не нужно было бы покупать черносотенные газеты как „Украина", „Польский Курьер" и пр., чтобы знать что делается на свете, которые вместе с попами, ксендзами и буржуазией стараются затемнить и обезоружить нас своими статьями.

Рабочие и крестьяне Аргентины все больше и больше чувствуют трагедию безработицы: никто не хочет покупать наш труд, нанимать на работу. В столице десятки тысяч рабочих с 4 часов утра до поздней ночи бродят по улицам в поисках какой-нибудь работы и возвращаются домой (если имеется дом) голодными и утомленными, согреваемые смутной надеждой на завтрашний день. Среди крестьян недовольство принимает стихийный, массовый характер. Целые деревни восстают против фашистского правительства и помещиков. Во многих местах крестьяне отказываются платить арендную плату и полиция безжалостно выбрасывает их сдавно насиженных мест и обработанных полей, часто не дав времени собрать жалкое мужицкое имущество. Заброшенные в далекие степи, крестьяне живут среди дикой природы и в условиях не менее дикого полицейского и хозяйского произвола: помещик является и хозяином и судьей и делает все, что ему угодно. Крестьяне и батраки, чтобы не умереть с голоду, вынуждены перекочевывать с одного места на другое.

Мы, русские, белорусские и украинские эмигранты Аргентины, шлем „Делу Труда" пожелание отпраздновать и трехсотый номер и иметь в наших, анрахо-коммунистических, рядах миллионы рабочих тружеников. Пролетариат Аргентины шлет привет всем тем товарищам, которые работают на пользу анархо-коммунизма.

С пролетарским приветом **Николай Антонович**

Нью Йорк, 24-го мая. — Уважаемые товарищи, посылаю на „Дело Труда" 24 дол. и 75 сентов. Эта сумма составилась следуюшим образом от 42-го Отдела РООВА 14.75, от нью-иоркской группы — 5 дол. за проданные журналы и 5 дол. членских взносов. **А. Свободин.**

Акрон, 18-го мая. — Уважаемые товарищи, посылаю вам чек на 14 дол. 75 центов. Означенная сумма получилась от розыгрыша картины, подаренной тов. Соловьевым, из Кливеланда, 42-му Отделу РООВА г. Акрона. Отдел постановил картину разыграть и вырученные деньги послать в фонд „Дела Труда". После долгих оттяжек розыгрыш состоялся 15-го мая. Картину выиграл тов. П. Иванюк. С пожеланием вам всякого успеха

Финансовый секретарь 42-го Отдела РООВА **Павел Краснолобов.**

Редакция „Д.Т." приносит 42-му Отделу сердечную благодарность.

Юнгстаун, 20-го мая. — Уважаемые товарищи, прилагаю при сем денежный перевод на сумму десять долларов. Означенная сумма составилась следующим образом: за проданные журналы „ДТ" (№№ 100 и101) — 3.00 и в фонд „ДТ" — 7.00. В фонд жертвовали следующие товарищи: К. Констант 1.00, С. Кандрук — 1.00, Н. Судик — 1.00, П. Шмит — 3.00 и П. Кем — 1.00. Всего — 7.00.

Детройт. 2-го июня. — Уважаемые тов. в сем письме посылаю 5 дол., вырученные от продажи № 101 „ДТ." Десятилетие 14-го отдела РНзОВ'а имени Достоевского было ознаменовано пикником, на котором я и распродал все журналы. На пикнике присутствовали чикагские гости — Раскатов и Волос. Оба выступали. Раскатов говорил об общественности, а Волос о мещанском благополучии: призывал идти в торговлю и богатеть. Что и говорить, замечательный совет рабочим: все рабочие должны стать купцами...

С тов. приветом **Ф. Коваленко.**

Детроит, 1-го июня. — Посылаю вам 1 дол. на покрытие расходов по карточке покойного тов. М. Таненко. Сейчас не работаю и думаю, что в ближайшем времени не смогу послать еще.

С тов. приветом **М. М.**